Александр Рудазов

Шестирукий резидент

Не надо щипать себя в шесть рук, чтобы проснуться. Если он явился, значит – все наяву!

Александр Валентинович Рудазов

Шестирукий резидент

Серия «Яцхен», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
Шестирукий резидент: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2005
ISBN 5-93556-537-4

Аннотация

Он ужас, летящий на крыльях ночи! Он демон, скитающийся по самым темным закоулкам самых темных из миров! Он может вязать сразу три носка одновременно! А еще он постоянно слышит голос в своей голове, и это никакая не шизофрения… Не шизофрения, я сказал! Это верный напарник, всегда готовый помочь в трудный час. Правда, только советом. К тому же дурацким.

Ах да, и еще один маленький нюанс. Если вам в руки вдруг попадет старинная книга из человеческой кожи и вы пожелаете вызвать демона Лаларту, чтобы он исполнил ваше заветное желание – полы помыть или соседа прирезать, – лучше про него забудьте. Он не придет. По уважительной причине – умер. Зато вместо демона явится именно он – Олег Бритва, тайный резидент Девяти Небес в Лэнге.

Явится и пошлет вас куда подальше.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	54
Глава 4	74
Глава 5	91
Глава 6	119
Глава 7	142
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Александр Рудазов
Шестирукий резидент

Лаларту – это Зло, причиняющее лишь ужас, и добра от него не будет. Только Лаларту был однажды живым и был схвачен меж Мирами, ища Входа в одни и в другие. И подобные демоны не должны быть впущены в Мир, ибо Лаларту убивает матерей при родах.
Абдул аль-Хазред

Сгинь, нечистый дух, из нашего дома, из всех мест, дверей и углов, закоулков и потолков, из всех мест. У нас есть Господень Крест, с нами Дух Святой, все святые с нами и евангелисты: Иоанн, Лука, Марк, Матфей, и святые архангелы небесные: Михаил, Гавриил и великий Георгий Победоносец, Матерь Божья, все херувимы и серафимы. Аминь.
Молитва против нечистой силы

Глава 1

Когда я соглашался на эту работу, то не понимал до конца, на что именно подписываюсь. А если бы понимал, тогда… вероятно, все равно бы согласился.

Хотя кобенился бы гораздо дольше.

Я – Олег Анатольевич Бритва, яцхен. Что такое «яцхен»?

Это я. Существую в единственном числе. Хотя не так давно существовал еще один точно такой же – Лаларту, мой папаша… если, конечно, его можно так назвать. Я стараюсь не думать об этом уроде с такой стороны – не для того я его убивал, чтобы морочить голову угрызениями совести.

Месяц назад моему нынешнему телу исполнился год. Ровно год с того момента, как я вывалился на пол секретной лаборатории, в которой меня создали. За этот год я пережил много чего – были и приятные моменты, и отвратительные… Особенно заполошными выдались как раз первые месяцы – я тогда понятия не имел, кто я такой, и метался, как слепая курица. Ну а потом…

Сначала мне восстановили память. Помнится, в первый момент я об этом горько пожалел – очень уж паршивыми оказались воспоминания. Однако я тут же забыл обо всем, когда в мою жизнь вошла Она…

Если меня спросят, что я испытываю по отношению к богине Инанне, я промолчу. Ибо между нами никогда ничего не будет – слишком велика пропасть, нас разделяющая. Она воплощение Красоты и Любви, я же… я трехглазый демон о шести руках. Моя кровь ядовита, спину украшают крылья и хвост, а когти режут металл, как пластилин. Я могу только смотреть на Нее снизу вверх, и восхищаться, как Квазимодо восхищался Эсмеральдой.

Слишком велика пропасть, слишком велика…

Однако месяцы, проведенные в Хрустальных Чертогах

стали, пожалуй, лучшими в моей жизни. Скучновато там было, конечно, но для меня скука – как каникулы. Мое тело – адреналиновая машина, я создан для диверсий и убийств, но кому может нравиться такая жизнь? Я ее терплю, потому что другую взять негде. Если ты яцхен, ты яцхен навсегда. Это не профессия, которую при желании можно сменить – это видовая принадлежность. Это и есть я. Отними то, что делает меня таким устрашающим, и что останется в итоге?

Час назад я вернулся с Рари. Это такой мир совсем рядом с Лэнгом – самый обычный мир, не лучше и не хуже остальных. Первоначально я собирался заскочить на денек, передать послание от миледи и сразу обратно. Но совершенно неожиданно задержался на целых три дня. Мистер Креол, оказывается, невидим для Направления… и все, кто под его патронажем – тоже. Нет, я его, конечно, понимаю – враги засечь не могут. Но ведь и я тоже не могу! Устал, как собака, вымотался, настроение ни к черту… рыцарь тот полоумный меня чуть не подстрелил…

Хотя я эту ожившую мумию постепенно начинаю уважать – работает человек эффективно, не халтурит. Пашет как вол, без выходных, без перерывов. Честно признаюсь – я всем этим демонам не завидую. Вот пройдет еще лет пять, откроется возле Кадафа портал, повалят из него войска… тут-то всем этим уродам и каюк. Эти каабарские паладины ребята крепкие, демонов мочить умеют.

А ведь этот магический военкомат еще только начинает

раскачиваться!

– Игорь, новости есть? Меня кто-нибудь спрашивал?

Это мой личный слуга – Игорь. Вообще-то, на самом деле его зовут совсем не так… по-моему, у него раньше имени и не было. Мелкий прислужник, нечто среднее между Надзирателем и низшим демоном из Господ. Такие, как он, живут на границе Ледяных Полей и Ледяного Царства.

А окрестил я его сам – по аналогии. Он горбатый, нескладный, уродливый, но зато услужливый и расторопный.

Похож, в общем.

– Добро пожаловать домой, хозяин! – провизжал уродец, входя в комнату. – Новостей нет! Вас никто не спрашивал! Завтрак подавать?

Меня никогда никто не спрашивает. Здесь, в Лэнге, на Лаларту всем наплевать. Что он есть, что его нет. Примерно как ослик Иа-Иа – помните, как у него оторвался хвост, а заметили это только через неделю? Вот и у меня так же – три дня отсутствовал, а никто и не заметил. Я уже смело отлучаюсь в другие миры – знаю, что не хватятся.

Вообще, очень удачно, что я подменил именно Лаларту. Обязанностей у меня никаких, ибо моему предшественнику банально не поручали ничего серьезного. Что можно поручить круглому идиоту? Если другие демоны говорят о чем-то важном в моем присутствии, то даже голоса не понижают – мол, дурак все равно не поймет, чего беспокоиться?

– Подавай… – вяло махнул рукой я.

Игорь умчался. Бегает этот мелкий демон как-то боком, ковыляя и приплясывая одновременно. Как у него это получается, я не знаю.

– Что, патрон, плохо тебе? – послышался заботливый голос Рабана.

– Отстань, шизофрения, не до тебя… – простонал я, откидываясь в кресле.

Рабан – это мозговой полип керанке. Как я его заполучил… сам до сих пор удивляюсь. Несмотря на то, что мне попрежнему не нравится таскать в голове непрошеного жильца, избавиться я от него не пытаюсь. Рабан очень полезен – только благодаря ему мое кое-как слепленное тело до сих пор не развалилось на кусочки.

Правда, с некоторых пор это уже не имеет такого значения – спасибо мистеру Креолу. Часть демонической души, которую он перелил в меня из убитого «папочки», изрядно облегчила жизнь. Я далеко не сразу заметил перемены, но со временем обнаружил, что могу поднимать бóльшие тяжести, быстрее летаю и бегаю, когти и зубы режут все подряд еще эффективнее, чем раньше, а болевой порог упал почти до нуля.

В общем, теперь я самый настоящий архидемон, хотя попрежнему в подметки не гожусь таким монстрам, как Шаб-Ниггурат или Хастур. О Йог-Сотхотхе или Азаг-Тоте даже не говорю. Ну а когда проснется Ктулху… по-моему, все здеш-

ние скорее боятся этого события, чем радуются ему. Ну все равно как если бы при Брежневе вдруг проснулся Ленин – радость, конечно, но изрядно приправленная страхом.

Мало ли что он учудит спросонья?

Но у Рабана есть и другие полезные функции. Например, он защищает мой разум от сканирования. Тут встречаются твари, способные при случае покопаться в чужих мозгах. А поскольку я сейчас вроде Штирлица в Гестапо, меня такая перспектива никак не может радовать.

Еще именно он перебрасывает меня из мира в мир – раньше Рабан принадлежал одному энгаху, и унаследовал кое-что из его умений.

Кто такие энгахи? Путешественники между мирами. У каждого энгаха есть своя фирменная фраза, переносящая его в соседнее измерение. Моя длинная и труднопроизносимая, но очень полезная. За меня ее произносит Рабан – сам-то я ее до сих пор не выучил.

И, конечно, Рабан просто очень много знает. У керанке абсолютная память. И это пригождалось мне не раз и не два – такой вот встроенный диктофон в голове. Все-таки я тружусь на нелегкой ниве шпионажа, информация – это мой хлеб.

– Завтрак… – втиснулся в дверь огромный поднос, – … подан.

Я махнул двумя правыми руками, указывая, куда его поставить.

За Игорем в дверь вошли две дьяволицы, несущие осталь-

ные подносы. Вообще-то, в официальной табели рангов этого мира дьяволицы стоят повыше Игоря, но кроме официальной существует еще и неофициальная. А в неофициальной их место – у двери, на коврике. Потому что дьяволицы занимают в Лэнге экологическую нишу гетер. Или путан – подберите слово сами.

В общем, на них смотрят свысока даже такие таракашки, как мой Игорь.

Раньше я считал, что дьяволица – это женщина-дьявол. Оказывается, ничего подобного – совершенно разные существа. Дьявол, черт, бес – это отнюдь не синонимы, а разные биологические виды.

А вот демон – собирательное название, прилагаемое к большинству жителей Темных миров. У Светлых такого собирательного термина почему-то нет… впрочем, им далеко до такого видового многообразия, как Темным. У Тьмы больше оттенков, чем у Света.

Хотя обычно Светлых существ именуют небожителями. Это не такое официальное слово, как «демон», но просто надо же и их тоже как-то обозначать? Ничего более подходящего в русском языке нет.

Но вернемся к нашим баранам. У дьяволов есть свои женщины… не знаю, как они называются. Дьяволихи, может?.. А у дьяволиц есть свои мужчины – диаволы. Названия отличаются всего одной буквой, а вот сами существа – не меньше, чем осел и орел.

Только вот в Лэнге этих диаволов не осталось. Ходят слухи, что где-то еще прячутся одна-две особи, но мне что-то сомнительно.

Куда они исчезли – рассказывать не буду. История на редкость анекдотична и весьма тошнотворна.

Я не знаю, для чего этих дамочек использовал Лаларту. Лично я использую только для одного – подай-принеси. Их основная функция мне, увы, до сих пор недоступна. Миледи Инанна обещала, что к этому времени я уже достигну полового созревания, но, похоже, она что-то напутала. Я каждое утро проверяю – пока все по-прежнему.

А жаль. Эти стервочки чертовски хороши. Бледные, правда, как привидения – кожа белая, как у фарфоровых статуй. Загар к ним вообще не пристает (да и откуда взяться загару в мире без солнца?). Одеваются в черную кожу, стиль садо-мазо. Ну так что же вы хотите – дьяволицы! Каких еще красавиц можно встретить в Темном мире? И когти у них длиннющие… даже длинней моих.

– Что-нибудь еще, господин? – спросила ближайшая, льстиво виляя задом.

– А ну, пошли вон, кошки безмозглые! – взъярился Игорь. – Хозяин устал, ему не до вас! Брысь!

Дьяволицы одарили его злобными взглядами, но все-таки удалились. Игорь робко ухмыльнулся, не совсем уверенный, правильно ли понял мое желание. Я вяло махнул левыми руками, и мой дворецкий удалился, предусмотрительно не по-

ворачиваясь спиной. Лаларту это ненавидел – увидев перед собой спину какого-нибудь слуги, этот психопат сразу прыгал и вырывал хребет.

По-моему, Игорь что-то подозревает – уж очень многозначительно он порой на меня посматривает. Неудивительно – кому и заметить разницу, если не самому приближенному слуге? Но доказательств у него нет. Да если бы и были… не думаю, что он меня выдаст. По-моему, он очень рад такой перемене – раньше-то Лаларту менял своих дворецких чуть ли не каждые полгода.

Любил под настроение перекусить мелким демоном…

Впрочем, это характерно для большинства здешних обитателей. Крайне неразборчивы в еде.

Хотя нет – очень даже разборчивы. Вегетарианские блюда не станут употреблять даже под страхом смерти – мясо, мясо и еще раз мясо. А вот тут уже неразборчивы – чье именно мясо, их не волнует.

Помню, каких трудов мне стоило отмазаться от общественных обедов в Кадафе… Несмотря на произошедшие со мной перемены, где-то глубоко внутри я по-прежнему человек. И каннибалом становиться не собираюсь. Но даже если допустить, что человеческий род ко мне больше не относится, пожирать разумных существ нельзя. Нельзя! Это неправильно. Бог не простит…

Вообще, за последние полгода я много размышлял о Боге. Ну вот так получилось. У меня из головы не выходили сло-

ва кардинала дю Шевуа – о том, что Господь не закрывает райских врат даже перед демонами. Не знаю, насколько он прав… но мне очень хочется на это надеяться. Потому что я живу в Темном мире, я сын демона, и если я попытаюсь явиться на исповедь к какому-нибудь священнику Земли, он наверняка начнет вопить что-нибудь вроде «Изыди!».

Ненавижу это слово.

Еще будучи в Дотембрии, я крестился – непосредственно перед свадьбой принца Сигизмунда и королевны Лорены. Дело в том, что принц попросил меня быть шафером. В той, прошлой жизни, я рос при советском строе, родители были убежденными атеистами и так же воспитывали меня.

Зато теперь я католик. Хотя креста, конечно же, не ношу – это был бы автоматический провал. Демон с крестом выглядит так же странно, как штандартенфюрер СС с красной звездой на груди. Да и какая разница, собственно говоря? Не думаю, что все эти мелкие детали так уж важны.

Главное же – верить, правильно?

А я верю. Теперь верю. Потому что видел Ад. И видел Рай. Эти миры существуют. Так же, как существуют Лэнг и Девять Небес. Я думаю, если как следует поискать, выяснится, что существует практически все, что в моем родном мире считается мифом. Не в точности таком виде, как описано, с определенными поправками, но существует.

Кое-что даже в нескольких экземплярах.

Мой новый дом находится в сумрачной долине Пнот, к

северо-востоку от замка Кадаф и к северо-западу от города Ирем, совсем рядом с границей Ледяного Царства. Мои соседи – бесконечные ряды склепов Зин, где обитают Бледные Призраки.

Это еще одна разновидность надзирателей Лэнга. Скрытные, недружелюбные, участия в общественной жизни почти не принимают. Я с ними еще ни разу не общался, хотя живу по соседству.

Впрочем, они мне и не интересны.

Лэнг устроен совсем не так, как наша Земля. Это не планета, а скорее… спираль. Хотя нет, не спираль. Пожалуй, больше всего Лэнг похож на огромное кольцо Мебиуса – если очень долго идти в одном направлении, придешь с другой стороны. Он сравнительно невелик – общая площадь примерно соответствует Африке. И называется этот мир Бездной.

Хотя чаще его называют все-таки просто Лэнгом.

Государство здесь только одно, но оно разделено на метрополию и колонии. Метрополия – это, собственно, сам Лэнг. Формально здесь царствует Азаг-Тот, но реальная власть сосредоточена в склизких когтях Йог-Сотхотха. Ну а С'ньяк исполняет обязанности верховного божества… это на редкость могущественное существо. Единственное, что способно его уничтожить, находится сейчас в руках Креола Урского – Крест Стихий. Точнее, пока еще только его составляющие.

С трех концов к Лэнгу примыкают полуавтономные Царства – Глубинное, Ледяное и Мертвое. Город Ирем стоит на крайнем востоке метрополии, неподалеку от нижней границы Ледяного Царства. Город Р'льиех лежит на дне Глубинного. Там же спит Ктулху.

Ну а Мертвое… это, пожалуй, самый безобидный регион Лэнга, несмотря на неприятное название. Когда-то это место исполняло обязанности ада – туда отправляли души самых страшных грешников, для которых даже Кур слишком хорош. Но за тысячи лет почти все старые души оттуда испарились, новых не поступало уже очень давно, так что теперь это своего рода свалка. Там находится древний город Трок – фактически просто куча развалин.

Глубинным Царством управляет Дагон. Мертвым – Нергал. Ледяным – Старцы. Старцы – очень опасные твари. Они значительно уступают в мощи архидемонам, но зато их гораздо больше. Именно они некогда создали шогготов.

К моему удивлению, оказалось, что в Лэнге случались бунты – и почти всегда именно со стороны Ледяного Царства. В отличие от него, Глубинное – верный вассал Лэнга и всегда его поддерживает. А в Мертвом все тихо и спокойно – Нергал самый приличный из здешних богов.

Когда-то, очень давно, Нергал был Светлым богом. Насколько я знаю, он сын Энлиля и Нинлиль и муж Эрешкигаль. И в былые времена он жил с остальными на Девяти Небесах, руководил чем-то… чем-то другим. Кажется, солн-

цем – Шамаша в те времена еще не было.

Почему он стал Темным и засел здесь, в преисподней? Печальная история – из-за любви. Боги тоже ей подвержены. Эрешкигаль – Темная богиня, бывшая владычица Кура, и именно в нее-то Нергал и влюбился. Неудивительно, кстати – она сестра-близнец Инанны. Тут любой бы влюбился. И постепенно акценты слегка сместились – со временем Нергал стал еще более страшным чудовищем, чем супруга.

Кстати, о ней что-то очень давно ничего не слышно – миледи Инанна подозревает, что сестренка тихо скончалась. Не всем же достает удачи заполучить такой мир, как Каабар – без постоянного притока ба-хионь боги умирают или превращаются в зверобогов.

Интересный факт – боги не бывают нейтральными. Они всегда или Темные или Светлые. Это мы, люди, чаще всего балансируем где-то посередине – а у богов совсем не так. Хотя зачастую разница минимальна – как я уже говорил, Нергал очень близок к Светлому. А вот Анансэ, бог-паук – к Темному. Эти двое отличаются друг от друга совсем чуть-чуть, но этого «чуть-чуть» хватает, чтобы первый сидел здесь, в беспросветном мраке Лэнга, а второй прохлаждался на Девятом Небе.

Почему так? А все из-за потока божественной энергии – ба-хионь. Той самой фигни, которая делает богов богами. У них это как кровоток – кружится по телу, дает жизнь. Если течет в одну сторону, то бог Светлый; в другую – Темный.

А если никуда не течет, бог нейтральный… но мертвый.

– Игорь! – прохрипел я от скуки. – Игорь, принеси гитару!

По полу простучали каблуки мелкого демона, спешно тащащего мне музыкальный инструмент. Думаю, прислуга считает, что за последние месяцы их хозяин окончательно рехнулся – я натаскал в свою берлогу кучу полезных мелочей из пары-тройки соседних миров.

Прежде всего, конечно, из моего родного.

Вот, во всю стену стоят огромные колонки – их пришлось переносить по частям и собирать уже на месте. Чертовски трудное занятие, скажу я вам – лучше бы я еще разок сразился с Лаларту. Я заказал их по Интернету (я все заказываю по Интернету, через посредничество одного знакомого), а потом перетащил сюда, в Лэнг. Пришлось сделать шесть ходок – дюже здоровые дурищи. А потом еще двое суток корячился, собирая их по на редкость бестолковой инструкции. В технике я дуб дубом.

А если бы вы знали, как трудно было обеспечить в этом проклятом мире электричество! Вся эта возня с генераторами, проводами… до сих пор не совсем понимаю, как я умудрился заставить эти фиговы агрегаты заработать?

Но результат мне очень нравится – когда я лабаю тяжелый рок, стены трясутся, а окрестные демоны прячутся по норам и дрожат от страха. Все знают – Лаларту опять запустил Машину Смерти. Так они называют этот великолепный звуковой агрегат. И точно так же называется мой любимый

хит – нравится мне «Ария»… И Кипелов нравится. Можно сказать, фанат.

Хотя вместе им было лучше. Зря разошлись.

Играть на гитаре я научился на Девяти Небесах – там было так скучно, что хоть вой. Вот я и выл. Мое жуткое хрипение если для чего и подходит, так только для тяжелого рока, поэтому пришлось работать с тем, что есть. Но теперь получается вполне недурственно – постепенно я приспособился играть на трех гитарах одновременно. Шесть рук – замечательное преимущество. А хвостом я отбиваю ритм на барабанах, так что получился такой себе оркестр из одного человека. Не фонтан, конечно, но все-таки терпимо, мне нравится.

Правда, только мне.

– Ну-ка, попробуем… – проворчал я, подключая гитары и беря пару аккордов. – Раз, два… раз, два, три, четыре!..

Я откашлялся и захрипел последний выученный хит. Это, правда, не «Ария», но поется на их мелодию. К тому же песня очень забавная. Подслушал у моей любимой КВНовской команды – РУДН. Надеюсь, они не обидятся.

Медведь с поросенком за медом идут,
О жизни и смерти беседу ведут…

Раскатами грома по лесу летит
Тяжелая поступь свинячьих копыт,
Любимый цвет, любимый размер,
Снаружи свинья, а внутри – Люцифер!

Коварные речи, а в лапах ружье,
Вселенское Зло забирает свое!
С рассветом мишутка отправится в бой,
За мед он заплатит бессмертной душой!

Шары над медведем – два дивных крыла,
Но смерть улыбнулась ему из дупла,
И понял герой, что попал на крючок,
С небес прогремело – «Стреляй, Пятачок!»

Над косолапым навис грозный рок –
Исчадие Ада спустило курок!
Таких поражений не знала земля –
Во всем виновата косая свинья!

Закончив хрипеть, я аккуратно положил все гитары и раскланялся в пустоту. Наклоняться мне сложно – шеи нет, головогрудь в верхней части не сгибается. Поэтому поклоны я отвешиваю всем туловищем.

– Патрон, к нам пришли, – тихо сообщил Рабан.

– Ну кто там опять?.. Игорь, кто там?!

– Я, если позволишь… – прошелестел вкрадчивый голос.

Знакомые интонации. Это Носящий Желтую Маску – верховный жрец Лэнга. Если сравнить Йог-Сотхотха со Сталиным, то Шаб-Ниггурат при нем будет Жуковым, а Ньярлатхотеп – Молотовым. Ну а Носящий Желтую Маску – Берией…

Думаю, не нужно объяснять, почему я не слишком рад его появлению?

Рядом с остальными архидемонами Носящий Желтую Маску смотрится еще более или менее пристойно – может даже пройтись по улицам земного города, не вызывая воплей ужаса. Он с ног до головы закутан в бесцветный балахон, из которого торчат хрупкие бледные кисти. Почти человеческие – только суставов на пальцах не три, а четыре. А лицо… его я никогда не видел. Он всегда прикрывает харю желтой маской, похожей на хоккейную вратарскую.

Почему харю? Потому что мне не верится, что под этой штукой может скрываться что-нибудь миловидное.

Носящий Желтую Маску очень опасен. Он на редкость умен – намного умнее остальных уродов Лэнга. Они тут по большей части деградanты – очень уж навредили им тысячи лет варки в собственном соку. Среднестатистический демон Лэнга – либо психопат, либо дегенерат. Хотя исключения встречаются, конечно.

Одно из таких исключений – вот он, Верховный Жрец Древних. Добрая половина всех планов Возрождения Величия рождены именно этой почти человеческой фигурой. Однако план «Полудемоны», которому я обязан появлением на свет, придумал не он.

И в этом его счастье.

– Ты слушаешь меня, Лаларту?! – гневно воскликнул Носящий Желтую Маску.

До меня только сейчас дошло, что все это время он что-то взволнованно говорил. Я постарался сделать умное лицо (получилось плохо) и уставился на него, как удав на кролика.

– Ты слышал, что я сказал? – подчеркнуто вежливо переспросил он.

– Угу. То есть нет. Еще раз, погромче и с самого начала.

По-моему, под маской верховный жрец побелел от ярости. Не знаю, но костяшки пальцев у него вроде бы стали еще белее, чем обычно.

Хотя, может, показалось…

– Я говорю, что мы засекли несанкционированный переход! – рявкнул он. – Где-то здесь, поблизости, в районе твоего замка! Кто-то без спросу проник в Лэнг… кто-то незнакомый…

Я сделал каменное лицо. Конечно, их системы безопасности засекли не меня – энгахи скользят меж мирами плавно и бесшумно, я могу прыгать туда-сюда хоть по сто раз на дню. Порой я так и делаю, и никто никогда ничего не замечал. Печати Мардука мне не преграда – для энгахов практически нет недоступных миров.

Так что это кто-то другой. Но вот вопрос – друг или враг?

Самое интересное, что если это друг для меня, он автоматически окажется врагом для Лэнга. И наоборот.

– Ладно, я пошлю своих людей… – проворчал Носящий Желтую Маску, поняв, что я ни сном ни духом.

Людей… Да уж, людей…

Твари, служащие Носящему Желтую Маску, вызывают у меня настоящее омерзение. Это будхи – одни из самых жутких чудищ Лэнга. Они принадлежат к высшим Надзирателям, и обладают одной чрезвычайно неприятной особенностью – их почти невозможно убить. Конечно, любого демона убить трудно, но будхи все-таки поставили рекорд – их можно разрезать на самые мелкие кусочки, но они все равно соберутся воедино. Даже из пепла. Они боятся только кислот… и еще некоторых специфических видов оружия, вроде магической цепи Креола.

Эх, как же я жалею, что не выпросил у него эту цепь – вот бы мне тут такую штуковину! Надо, надо было задержаться на Рари еще на денек – пусть бы сварганил мне такую же! Этот шумерский демонолог производит всякие волшебные штучки с завидной легкостью, а мне что-нибудь подобное во как пригодилось бы!

– Давно я к тебе не заглядывал… – прошелестел Носящий Желтую Маску, легонько касаясь колонок. – Откуда здесь все это?

– Контрабанда.

– А-а-а, ну-ну… Не знал, что ты увлекаешься человеческой музыкой…

По крайней мере, он не удивился слову «контрабанда». В Лэнге действует маленький обходной ручеек, по которому демоны иногда получают вещички из других миров.

Догадаетесь, кто их перевозит? Правильно – энгахи. Мои

коллеги отнюдь не гнушаются торговать с демонами… собственно, они на этом преотлично зарабатывают. Потихоньку, полегоньку, по чуть-чуть и только в один конец – их кодекс запрещает помогать Темным мирам в более серьезных вещах.

Впрочем, Светлым тоже – энгахи держатся в стороне от войн богов.

– Спеть тебе что-нибудь? – любезно предложил я. – Я недавно выучил классную песенку…

– Не стоит… – с некоторым подозрением отказался Носящий Желтую Маску. – Ты как-то изменился за последнее время, Лаларту… Не знаю точно, но что-то в тебе изменилось… что-то такое… неуловимое…

– Угу. Гребень лаком покрыл.

– Зачем?.. а, впрочем, это твое дело. Хотя я бы на твоем месте… впрочем, это тоже твое дело. У меня-то гребня нет…

– Угу. Вот когда заведешь, тогда и будешь советовать.

По-моему, Носящий Желтую Маску прищурился. Хотя черт его знает, что он там делает под этой маской – может, вообще рожи все время корчит! Бэтмен хренов!

– Ты и в самом деле как-то изменился… – задумчиво повертел пальцами в воздухе он. – Надо бы нам как-нибудь встретиться, побеседовать…

– О чем?

– Обо всем. О жизни, о смерти…

– Это вроде как Винни-Пух с Пятачком? – удивился я, вспомнив только что спетую мною же песню.

– Кто-кто? – пришло время удивляться Носящему Желтую Маску. – Не помню таких… Они из Надзирателей или из Младших?

– Я пошутил.

– Опять? Дошутишься ты когда-нибудь… – криво усмехнулся Верховный Жрец.

– А ты знаешь, что такое желтое с синим? – хитро спросил в ответ я.

Носящий Желтую Маску что-то невнятно пробурчал и заскользил к дверям. В замке Кадаф он старается со мной не сталкиваться – достал я его уже своими хохмами.

На этот раз я его пожалел и не стал кричать вслед, что желтое с синим – это хохол, обмотанный изолентой. Не понимают тут таких шуток.

Только Нъярлатхотеп иногда понимает – он все время по заграницам шастает, в курсе большинства земных новостей. Даже телевизор иногда смотрит.

Вкус у него ужасный, правда.

Среди архидемонов я в основном только с этими двумя и общаюсь – Носящим Желтую Маску и Нъярлатхотепом. Они несколько адекватнее общей массы. Остальные… я уже говорил, но скажу еще раз: остальные либо психопаты, либо дегенераты. И точно таким же они все считают меня, так что я стараюсь не выбиваться из образа.

Меня особенно Лалассу прикалывает – это мой брат… то есть, не мой, а Лаларту. Я сначала боялся, что он меня сразу раскусит – но нет, даже не заметил разницы. Они с Лаларту не близнецы, но внешне очень похожи. Только у него гребня на голове нет – это потому что я старший.

Я прислушался к Направлению – Носящий Желтую Маску благополучно вернулся в Кадаф. Завидую я ему – по Лэнгу он перемещается почти мгновенно. Правда, в другие миры – никак. Подглядывать может, сообщения посылать – за милую душу, а вот лично наведаться, во плоти – черта с два.

А вот что это он про несанкционированный переход говорил? Надо все-таки выяснить, кто это к нам сюда приперся… А то вдруг еще один резидент? Вряд ли, конечно, я у нас единственный «русский в Рейхе». И сеанс связи с Хрустальными Чертогами был не так давно. Но проверить все равно надо.

– Рабан, как дела? – спросил я.

– Ведем поиск… – скучающе откликнулся мозговой паразит.

Рабан, как всегда, понял мою мысль раньше меня самого, и запустил Направление на розыск всего неположенного. Пространство невелико – Носящий Желтую Маску сказал, что это где-то рядом с моим замком. А местность тут пустынная – Лэнг вообще слабо населен. Замок Кадаф кишит жизнью, да в городе Ирем довольно много народу, вот и все центры цивилизации.

Как они до сих пор не вымерли, ума не приложу…

– Что-то нашел, патрон… – с сомнением доложил Рабан. – Странный какой-то сигнал – двойной… Как будто два существа в одном теле…

– А что тут странного-то? Мы с тобой тоже… два существа в одном теле.

– Нет, там по-другому как-то…

– Угу. А в какую сторону лететь?

– В ледяную. К Полюсу.

Я не привык подолгу обдумывать план действий. Направление известно – полетели. Окно перед глазами, пролезть недолго. Распахиваем крылья… и вверх!

Пейзажи Лэнга не отличаются привлекательностью. Скоро полгода, как я тут живу, но все равно – жуть кромешная. На землю вообще стараюсь не опускаться – это же кошмар, что они с почвой сделали! Я все думаю – сколько же веков надо было морить народ, чтобы покрыть весь Лэнг таким вот аккуратным слоем костей? В Ледяном или Глубинном Царствах этого добра, конечно, нет, но зато в Мертвом – двойная порция. Мрак.

А эти их луны на небе… До сих пор не выяснил, что это такое и для чего нужно – висит все время на одном и том же месте, светится… На глаза похоже. Как будто сидит там такой огроменный филин и пялится красными глазищами.

Правда, одно применение у этих лун все-таки есть – время отсчитывать. У них тоже есть свои фазы – причем несовпа-

дающие. Наступает двойное полнолуние – значит, начинаются большие празднества. Если использовать наши единицы времени, то это бывает раз в три года и продолжается трое суток. На эти празднества приглашают «послов» из всех соседних миров, и еще кое-кого из заинтересованных лиц.

А когда наступает двойное новолуние… это тоже праздник, но о нем мне даже думать не хочется. К счастью, до него еще почти год. Надеюсь, я к тому времени отсюда уже свалю.

– Глянь, патрон, опять куда-то перегоняют! – хмыкнул Рабан.

Подо мной медленно тащилась вереница изможденных рабов, а по бокам важно ехали два Погонщика Рабов на шилопауках. Время от времени то один, то другой слегка подгонял скот кнутом. Заметив меня, они низко поклонились, одновременно нахлестывая невольников, чтобы те тоже опустились на колени перед господином Лаларту.

Для меня эти процессии давно перестали быть чем-то необычным – поблизости от моего замка проходит караванная тропа, по ней постоянно гонят пополнение. На одном из ближайших Полюсов (кстати, в данном случае Полюс – это не полюс, а просто длиннющий шпиль из чистого льда) в прошлом году открыли маленький односторонний каналец, ведущий в Рари, на Серую Землю, и серые время от времени сплавляют сюда излишки человеческих ресурсов. Дань платят. В основном, конечно, чужеземцами, но иногда и своих переправляют – у них там тоже хватает… ненужного насе-

ления.

Демоны очень хотели бы пользоваться этим канальцем в обе стороны – это ведь их основная мечта, покинуть Лэнг и расползтись по окружающим измерениям. К счастью, Мардук Двуглавый Топор запечатал их капитально – никто из местных жителей не может покинуть этот мир по своей воле. Только если кто-то из внешних магов призывает одного из них к себе, и то лишь на срок, достаточный, чтобы исполнить приказ. По окончании службы Лэнг втягивает временно отпущенного гражданина, как огромный пылесос.

Исключений лишь два – Йог-Сотхотх и Ньярлатхотеп, все остальные обречены прозябать здесь до пробуждения Ктулху. Вот и гонят для себя караваны рабов – хреновое, но все же утешение.

Первоначально я, конечно, возмущался. Потом понял, что плетью обуха не перешибешь: помочь я им все равно ничем не могу, а вот легенду себе испортить – запросто. Ну не революцию же мне устраивать! Какая уж тут революция – местный рабочий класс такой зашуганный, что даже кашлянуть без разрешения боится. Очень уж их давят.

Скажете – как раз пора возмущению народных масс прорваться? Ан нет. Как писал кто-то из классиков, тираны спокойно правят до самой смерти, а троны трещат под их наследниками. Вот если Йог-Сотхотх ослабит нажим, тогда, может, что-то и получится.

Только он не ослабит. Ему одних только восстаний шогго-

тов хватит по гроб жизни.

Ну ничего, ничего, если клетку нельзя сломать изнутри, сломаем ее снаружи. Клубятся тучи над Лэнгом, миледи Инанна и та шумерская мумия собирают войска… Скоро, скоро грянет буря! Вот он я, шестирукий буревестник, витаю над умирающим миром!.. тьфу, что за херня лезет в голову…

Да и буревестник из меня так себе. К Глубинному Царству я вообще стараюсь не приближаться – страшновато. Бурлят воды холодного океана, волнуются, шевелится на дне ужасный Ктулху…

Трудновато ему, конечно, проснуться – труднее, чем первого января с тяжелого похмелья. Но он не сдается. А уж когда все-таки пробудится богатырь земли Лэнговской… в общем, желательно придушить его еще сонного.

Смесь пепла, снега и костей постепенно сменилась чистым снегом – я влетел в Ледяное Царство. Здесь нет вулканов, столь обычных для метрополии – их заменяют сотни ледяных игл, называемых Полюсами. Говорят, тут очень холодно – человек, оказавшись здесь, замерзнет почти мгновенно. Средняя температура – шестьдесят пять градусов ниже нуля. По Цельсию, само собой.

Хорошо, что я этого не чувствую… хотя штаны уже затвердели.

Да, я ношу штаны. Тоненькое спортивное трико – не для какой-то реальной надобности, а просто чтобы не забыть, что я не просто чудовище, но еще и человек.

Думаете, одежда нужна исключительно ради тепла? Хрена, товарищи – большинство разумных существ носит либо одежду, либо какой-то заменитель. Ну, доспехи, ювелирные украшения, татуировки, косметику всякую… Встречаются, конечно, и народы-нудисты, но это скорее исключение, чем правило.

Как известно, у одежды есть шесть основных применений – тепло, защита кожного покрова, чистота, обозначение общественного статуса, украшение и приличия. Для тепла ее носят только теплокровные, защитой пренебрегают такие, как я – те, у кого сама кожа лучше любой брони, а вот остальные четыре применения… Это всякому сгодится.

Хотя есть виды, которые просто не могут ничего носить. Ну какая одежда подойдет, например, тому же Нъярлатхотепу? Не представляю подобного фасона. Да и Йог-Сотхотх… хотя нет, у него есть татуировка на груди. В общем, разум обычно все-таки старается как-то себя обозначить – голый человек мало отличается от обезьяны.

– Нам за тот бархан, патрон, – вмешался в мои мудрые мысли Рабан. – И побыстрее – там, похоже, шогготы.

Шогготы… Да, там действительно оказались шогготы. Всего четверо, но этого вполне достаточно.

В замке Кадаф обитают Твари – это своего рода шоггот-ская элита. Самые разумные из них. Но их сравнительно мало – рядовой шоггот похож на Тварь, но на порядок тупее. Они бесформенные, уродливые, безмозглые и дико злобные.

В Ледяном Царстве их очень много – когда-то Старцы забавлялись с биомагией, и в результате налепили таких вот монстров.

Рецепт создания шоггота очень прост – берется три-четыре живых существа (любых, но приблизительно одинакового размера) и плюхается в… не знаю, как они называют эти машины – Старцы говорят на своем языке, на редкость сложном. Если использовать смысловой перевод – Смеситель.

То, что потом появляется из Смесителя – это и есть шоггот. Если для производства использовались представители одной расы, то он выглядит еще более-менее пристойно, но если разных… Особенно жуткие твари получаются, когда Старцы отправляют в Смеситель кого-то из демонов.

Хотя новых шогготов не появлялось уже довольно давно – Смесители законсервированы и опечатаны. Это слишком дикие и необузданные создания, они частенько бунтуют против своих же прародителей. Даже сами Старцы, хоть и неохотно, согласились с этим решением Йог-Сотхотха после того, как не в меру расплодившиеся твари истребили добрую треть хозяев. Архидемоны-то эти клубки плоти быстро прижучили, но вот Старцы реально пострадали.

С тех пор прошло больше трех веков, но Старцев до сих пор намного меньше, чем было до того восстания. Как и прочие высшие обитатели Лэнга, они практически не размножаются. Редко-редко появляется кто-нибудь новый.

– Брысь отсюда! – прохрипел я, приземляясь рядом с мно-

гоголовыми чудовищами.

Шогготы злобно обернулись в мою сторону. В десятках уродливых глаз едва просматривался разум – эти существа даже разговаривают с большим трудом. По статусу они стоят где-то посередине между рабами и Надзирателями – слишком тупы для Надзирателей, слишком могучи для рабов. Цепные псы.

Но напасть на меня они не осмелились – даже у шогготов хватает мозгов не связываться с архидемоном. Я сделал шаг вперед, демонстративно выпуская когти из пазух, и уроды попятились от того, что обнюхивали все это время.

Еще шаг – и вот они уже отступают. Медленно, неохотно, поминутно оборачиваясь, но отступают. Правда, далеко не ушли – засели за ближайшим ледяным гребнем, видимо надеясь, что я скоро уйду, оставив им добычу.

Добыча оказалась человеком. Мертвым, разумеется – разве может быть жив человек с отрубленной головой? Странное у него лицо – как бы из двух половинок. С левой все в порядке, а вот правая… кислотой ее облили, что ли? И глаза одного нет – только дырка, как будто шилом ткнули…

– И откуда же ты тут взялся, товарищ? – задумчиво потыкал его кончиком хвоста я. – Сбежал, что ли?

– Патрон, если верить Направлению, несанкционированный переход совершил именно он.

– Правда? А кто же его тогда убил?

– Шогготы? – саркастично предположил Рабан.

– Угу. Шогготы бы в клочья изодрали, а тут голова отрублена. Ты на срез посмотри – гладкий, ровный… обветрился, правда, да и подгнил здорово. Значит, уже давно умер. Шашкой его, что ли, рубанули?..

– Лаларту, это ты?! – неожиданно заорал мертвец.

Глава 2

Глаза… глаз отрубленной головы распахнулся. Я невольно попятился. Мертвое тело зашевелилось, приподнялось и вслепую зашарило по снегу, разыскивая голову.

– Лаларту?! – вскричал мертвец, когда я попал в поле его зрения. – Везение! О, хвала Червю, какое везение! Я надеялся, что это будешь ты, но боялся…

«Рабан, это кто такой?» – мысленно произнес я, подозрительно рассматривая этот подергивающийся обрубок. – «Я его знаю?»

– Что-то я так сразу даже и не скажу… – засомневался мой симбионт. – Может, спросим?

«Да он меня, похоже, знает… значит, и я его должен знать. Думаешь, амнезия тут прокатит?»

– Я понимаю, ты меня не узнаешь! – заторопился труп, едва не роняя голову. – Я Саккакх! Помнишь? Иак Саккакх!

Я почувствовал, как у меня медленно отвисает челюсть. Само собой, я помню, кто такой Саккакх – здесь, в Лэнге, его имя звучит… ну, если вновь проводить аналогию с ранним СССР, то Саккакх будет Троцким. То есть – когда-то он рука об руку со С'ньяком и Йог-Сотхотхом построил это измерение. А потом С'ньяк удалился в свой мавзолей на вершине Полюса, Йог-Сотхотх стал править Лэнгом железной десницей, а Саккакх… Саккакх сбежал в далекие края. В Каа-

бар. Там он занял место Властелина Тьмы, долгое время сражался за влияние с миледи Инанной, потом был похоронен в огромной горе силами лода Каббаса сотоварищи и наконец был окончательно добит Креолом.

М-да, выходит, все-таки не окончательно… Хотя считается, что адамант – вернейшее средство, чтобы убить бога. Насколько я помню, Креол вогнал ему в голову целое копье… Как же он после этого выжил? Никак не должен был.

– Так ты, значит, Иак Саккакх? – задумчиво переспросил я.

– Ничего подобного! – резко возмутился безголовый труп. – Я Трой! Трой, сын Гишбара, архимаг Шумера!

А ведь я только что вернул челюсть на место. И этот здесь! Трой – любимый троюродный племянник Креола, убитый в той же самой пещере, что и Саккакх! И ведь тоже убили стопроцентно надежно – сначала воткнули в глаз нож, а потом еще и отрубили голову. Никакое колдовство не могло помочь ему остаться в живых – стены в той пещере обиты хладным железом, гасящим любую магию. Архимаг и неофит, святой и колдун равно лишатся всех сил. Да будь этот Трой самим воплощением Зла (коим он, кстати, не является – обычный черный маг с гниловатой натурой, таких везде полно), умер бы обязательно! Мне ли не знать – мне, путнику по дорогам меж миров?!

Но почему-то он здесь, и вполне себе живой.

– Здравствуйте, я ваша тетя… – хмыкнул я. – Встречайте

оживших родственников. «Восставшие из Ада», часть четвертая.

– Эх, патрон, а третью мы так и не посмотрели… – загрустил Рабан.

– Так все-таки – ты Саккакх или Трой? – деликатно уточнил я.

– Саккакх!.. Трой!.. Йя-а-а-а-а!!! – дико завопило странное создание.

Его начали бить ужасные корчи. Он воздел руки к небесам (уронив при этом голову) и задергался в припадке, одновременно выдавая нечленораздельные крики. Упавшая голова не только орала, но еще и ворочала единственным оставшимся глазом… меня аж передернуло – глазное яблоко вращалось в орбите, будто ни к чему не было прикреплено.

– Знаешь, очень скоро здесь будут люди Носящего Желтого Маску, – задумчиво поведал я, поняв, что этот концерт может затянуться надолго.

– Будхи?! – ужаснулся Саккакх/Трой. – Или Жрецы Древних?! Лаларту, ты всегда был моим другом, я всегда хорошо к тебе относился, спрячь меня, умоляю, спрячь! Я полностью обессилен!

Я задумался. Спрятать его?.. Или все-таки убить? Нет, как раз здесь его убивать нежелательно. В Лэнге вообще погибать не рекомендуется – души отсюда просто так не уходят. Все перекрыто, везде ходят астральные патрули – выслеживают, ловят и отправляют… куда там демоны отправляют ду-

ши.

Не знаю точно, что будет с Саккакхом – у демонов с посмертием как-то мутно. Но Троя они точно сгребут… и узнают много интересного. Будет очень скверно, если этот «два в одном» попадет в местное НКВД…

– Ладно, полетели до дому… – неохотно прохрипел я. – Давай голову, подержу…

– Нет! – вцепился в свое сокровище Саккакх/Трой. – Это мое! Мое!.. Нет, мое!.. Мое, мое, мое, мое!!!

«Видишь, к чему приводит раздвоение личности?» – мрачно подумал я. – «Это и называется – шизофрения. Совсем свихнулся мужик… мужики».

– Ты это чего, патрон, намекаешь на что-то? – подчеркнуто невинным голоском спросил Рабан.

Перевозка мертвецов – дело грязное и неприятное. Но мне не привыкать. Блин, да я родился буквально по горло в трупах! К тому же некоторые из них еще и хотели меня сожрать! Саккакх/Трой хотя бы ведет себя спокойно… если не считать громких бессвязных выкриков.

– Заткнись, а то брошу! – пригрозил я, когда он начал орать особенно громко.

– Да бросай, мне все до задницы! – завопил рехнувшийся мертвец и уронил голову.

Пришлось опускаться, искать ее в сугробе, потом отгонять подкравшегося шоггота… Хорошо хоть, нашли быстро – голова так горланила, что ее и слепой бы не пропустил.

Пока искал голову, куда-то ушло все остальное. Недалеко, правда – всего лишь до ближайшего оврага. Туда и свалилось, неестественно вывернув руки и ноги. Хорошо, мозгов нет, а то было бы сотрясение.

В конечном итоге до дому я добрался только через час, успев на всю жизнь возненавидеть Саккакха и Троя.

Оказавшись в сравнительно комфортных условиях, «два в одном» постепенно оклемался. Слуги вымыли его, привели в порядок этот гниющий остов (он умер почти два месяца назад и успел здорово провонять) и упаковали в контейнер из какого-то магического вещества, похожего на целлофан. Примерно такие же носят эг-мумии – у них нет кожи, и им приходится как-то оберегать себя от грязи. Тоненькая такая пленка, но прочная, как стальной лист. И даже еще прочнее.

– Игорь, меня нет! – категорично приказал я, запирая двери. – Ни для кого! Даже если заявится сам С'ньяк – меня нет!

– Будет исполнено, хозяин, – понимающе захихикал уродец, прижимая палец к губам. – Вот, вам тут доставили…

Он протянул мне запечатанный конверт. Клякса ярко-алого сургуча сразу вызвала у меня нехорошие подозрения, и я неотложно распаковал послание.

Было ли у вас когда-нибудь такое – вы идете по улице в теплый солнечный полдень, и вдруг вам на голову выливают ведро ледяной воды? Вот примерно это я испытал, прочтя коротенькое письмо. Всего-навсего пять слов.

«Я знаю твою тайну, «Лаларту».

Слово «Лаларту» заключено в кавычки. Нет, на самом деле не в кавычки – в Наг-Сотхе, на котором написана фраза, нет знаков препинания. Зато есть надстрочные символы, всякие точки и черточки. И данная их комбинация означает иронию и намек на то, что пишущий прекрасно понимает, что пишет неправду.

Значит, он действительно что-то знает…

Несколько секунд я стоял неподвижно, перебарывая желание немедленно сделать ноги из этого проклятого измерения. Если вся эта орда чудовищ узнает о том, кто я на самом деле и на кого работаю… Не хотел бы я оказаться на своем месте в этом случае, ох как не хотел бы…

Но вот вопрос – а смогу ли я чувствовать себя в безопасности в другом мире? Нъярлатхотеп способен покидать Лэнг, Йог-Сотхотх тоже. Ни с тем, ни с другим я отнюдь не желаю помахаться один на один. Конечно, на Девяти Небесах я смогу спрятаться – туда-то они сунуться не рискнут… только примет ли меня леди Инанна после того, как я фактически отдам весь их план в склизкие клешни Лэнга? А мистер Креол… насколько я слышал, он ненавидит предателей… А с ним мне тоже не очень хочется враждовать – такого врага врагу не пожелаешь…

– Игорь, кто это принес? – как-то очень сипло прохрипел я.

– Пазузу, хозяин! – пискнул слуга.

Впрочем, я и сам уже чувствовал. Направление ясно ука-

зывало – Пазузу. Интересно, кто его послал? По чьей наводке он… или он это сам и написал?..

Я обдумывал эту версию какой-то миг и едва не рассмеялся. Нет! Кто угодно, только не Пазузу! Да я скорее поверю, что Инанна переметнулась на сторону Лэнга, нежели хоть на миг допущу, что это может оказаться Пазузу!

Поясню свое умозаключение. Пазузу – это архидемон, такой же, как я. Но он поразительно, просто феноменально туп – рядом с ним даже Надзиратели кажутся кладезями премудрости. Лаларту по сравнению с ним был светочем знаний и удивительно догадливым созданием.

Пазузу способен выполнять только простейшие приказания – подай-принеси-убей-загрызи. Обычно его и используют примерно так. Тем более, что по частоте призываний он бьет все рекорды – ритуал вызова Пазузу чрезвычайно прост, и маги частенько его беспокоят.

Делаем вывод – Пазузу использовали втемную, поручив доставить письмо. А написал его… м-м-м… если верить Направлению, написано самопишущим пером. Все, что было до этого – как в тумане. И единственный, кто прикасался к пергаменту после – все тот же Пазузу. Это лишний раз подтверждает, что неизвестный враг кое-что обо мне знает – по крайней мере, о моем чувстве Направления он точно в курсе. Хотя нет, это необязательно – многие демоны могут определить по ауре, кто написал письмо. Направление заменяет мне магическое зрение, и всего-то.

А вот теперь на повестке дня два вопроса – кто это сделал и что ему нужно? Рабан благоразумно помалкивал, не пытаясь выдавать версии, так что думать пришлось самому.

Всякая мелочь отпала сразу – Пазузу чрезвычайно высокомерен, и исполнять приказы младшего демона или даже Эмблемы ни за что не станет. Только кого-то, кто выше его по рангу… а таковых не так уж много.

Во-первых, С'ньяк. Само собой.

Во-вторых, архидемоны – Ктулху, Азаг-Тот, Йог-Сотхотх, На-Хаг, Шаб-Ниггурат, Носящий Желтую Маску, Ньярлатхотеп, Хастур, Кутулу, Акхкхару, Лалассу и я сам, Лаларту. Есть еще Йаг, Абхот и Гелал, но они стоят ниже Пазузу – в Лэнге очень четкая табель рангов.

В-третьих, Темные боги, союзники Лэнга – Дагон и Нергал. По рангу эти двое стоят ниже Ктулху и Йог-Сотхотха, которые одновременно являются демонами и богами, но выше всех остальных.

Думаем, думаем… Так, ну меня, ясное дело, вычеркиваем – я-то этого точно не делал. А вот остальные…

Ну, С'ньяк вряд ли. За последние несколько веков он ни разу не спускался со своей скалы и ни с кем не общался. Это очень могущественное божество – Инанна рядом с ним просто школьница с бантиками. Возможно, Мардук Двуглавый Топор смог бы сразиться с ним наравне… или другой персонаж его уровня…

Только где же мне такого взять?

Раздумья прервал слабый стон, донесшийся из-за двери. Я матюгнулся, вспомнив о другой проблеме, повесившейся мне на шею, и решил пока отложить эту чертову записку. В карман. В конце концов, если бы неизвестный враг хотел меня просто уничтожить, он не стал бы предупреждать, а просто сообщил обо всем в главный штаб. Узнав мою тайну, Йог-Сотхотх разорвет несчастного яцхена в мгновение ока…

Значит, сколько-то времени у меня еще есть.

Я вернулся в кабинет и ожидающе встал перед развалившемся на ложе трупом. Рядом торчала его голова – я насадил ее на шест, чтобы больше не потерялась. Само собой, разрешения спрашивать не стал… впрочем, мой гость отнесся к этому безразлично.

– Ну что, пришел в себя? – сурово спросил я. – Какого хрена ты сюда заявился? И не кровоточь так сильно – диван чистый, а ты его поганишь. Тебя зачем в целлофан заворачивали? Чтоб мебель не пачкал!

– Я… я… я…

– Ну ты хотя бы определился, кто ты такой? – терпеливо скрестил руки на груди я.

– Я Саккакх, – все еще с некоторой неуверенностью сказал безголовый. – Саккакх… но в теле Троя. У меня теперь даже голос другой… И его душа тоже здесь… и тоже иногда вмешивается. Мысли путаются… Лаларту, если я вдруг начну вести себя странно… нет, лучше прямо сейчас – свяжи

меня. Этот маг был очень сильным, а я за века во льду очень ослабел… В момент соединения мы были почти на одном уровне…

Я внимательно слушал, поддакивая и одновременно выполняя его просьбу – связывая, да покрепче. Меня это вполне устраивает – я не собираюсь позволять этому типу бродить где ни попадя.

Выяснилось, что в момент смерти Иак Саккакх сумел-таки воспользоваться единственной остающейся у него возможностью. Он покинул прежнее тело и стремглав бросился на поиски чего-нибудь другого более или менее подходящего. В другом месте мистер Креол просто перехватил бы его на полпути, но, к сожалению, в той пещере, обитой хладным железом, он даже не заметил этого побега.

Лод Каббас на тот момент был еще жив, и Саккакх им не заинтересовался. К его услугам была целая куча свеженьких трупов – оставшиеся безымянными морденты и мелкий демон из Кввецоль-Иина… не помню, как его звали. Но он избрал Троя, рассчитывая воспользоваться могуществом мертвого мага.

И, как оказалось, зря.

Увы, прежнее могущество для Саккакха закрылось. Он сумел сохранить жизнь… точнее, некое существование, отдаленно напоминающее жизнь. Но силу утратил. И божественную, и демоническую. Бог-демон Саккакх умер – вместо него родился демонический призрак, слабая тень былого

величия.

Да, теперь у него появилось новое тело – тело Троя. Однако племянник Креола не собирался в благодарность за воскрешение из мертвых передать это тело побратиму С'ньяка. И становиться слугой поселившегося внутри него существа тоже не желал. Две души, заключенные в одной емкости, немедленно начали беспощадную борьбу за господство. Первые сутки труп Троя оставался обычным трупом, а Саккакх и Трой внутри него сражались за контроль.

Но постепенно они достигли если не сотрудничества, то, по крайней мере, компромисса. Вместе им удалось оживить то немногое, в чем их вынудили ютиться, они кое-как выползли из сундука, и почти на две недели засели в подвале башни экзорцистов. Благо те, раздираемые собственными проблемами, совершенно позабыли об этом «морге».

Выходить наружу ни тот, ни другой особо не стремились. Саккакх, как уже было упомянуто, усох до состояния бесплотной тени. Трой сохранил кое-какие умения, но весьма и весьма незначительные – его разум повредился, отделенный от туловища мозг работал с перебоями, он лишился всех магических инструментов и значительного участка памяти.

Три четверти заклинаний он попросту забыл, а вспомнить их надежды не было – Кристалл Памяти, который он использовал вместо магической книги, исчез бесследно. Куда? Вероятно, один из экзорцистов под шумок сунул в карман – эта штучка походила на крупный изумруд.

В общем, Трой здорово скатился. Теперь он ни за что бы не решился выйти против Креола один на один – дядя растер бы его в пыль без малейшего труда. Да и Саккакх, запомнивший холодные глаза архимага и адамантовое копье в башке, отнюдь не горел желанием продолжать знакомство.

Поэтому они долгое время просто сидели в подвале, набираясь сил.

Постепенно им все-таки удалось кое-что поднакопить. Они поймали и сожрали послушника экзорцистов, случайно забредшего в «морг», потом схарчили еще парочку… хотя я ума не приложу, как это у них получалось – с отрубленной-то головой. Но, в общем, постепенно начали оживать.

Ну а одной прекрасной ночью рискнули выйти поохотиться в город. Креол в этот момент уже давно свалил в другой мир, так что его они могли не опасаться.

Однако Зингенцефельд, попривыкший к самой разной нечисти, оказался крепким орешком. Первый же мальчишка, на которого напали «два в одном», не растерялся, а выбил у них из рук голову и, пока они искали ее на мостовой, дал деру, оглушительно крича тревогу. Горожане закрылись на засовы и захлопнули ставни, а из немногих окон, оставшихся открытыми, высунулись заряженные серебром арбалеты. Саккакх и Трой изрядно смутились.

Ну а когда из-за поворота вылетел взмыленный конь с паладином в седле, они едва не развалились на кусочки от дикого ужаса.

Хорошо, что паладин не знал, что перед ним сам Близнец – в этом случае он умер бы, но насадил его на копье! А так он действовал не слишком торопливо, посчитав безголового мертвяка случайным упырем и не восприняв его всерьез.

Правда, когда в него ударило заклятье Молнии, он переменил свое мнение. Заклятие Серебряный Рыцарь отбил просто мечом – керефовые доспехи отлично исполняют роль громоотвода.

Саккакх/Трой все-таки сумел в последний момент сбежать. Не ногами, ясное дело – попробуй-ка, убеги на таких гнилушках! Да еще от конного! Использовали заклятье Побега.

После этого они еще целый месяц скитались по Каабару, без особого успеха нападая на мирных граждан и драпая от паладинов. У этих начался сезон охоты – за отсутствием Близнеца ряды нечисти изрядно сократились, новых больше не появлялось, так что Серебряные Рыцари буквально дрались за каждого некростера.

Да и миряне здорово осмелели – по Каабару валом катилась новость о Четвертом Посланнике и победе над Близнецом, во всех городах гремели празднества, стремительно закладывались новые храмы и монастыри, возносились хвалы Пречистой Деве…

Ну а нежить, ряды которой редели с каждым днем, гоняли уже просто пинками.

Последней каплей для Саккакха/Троя стал случай, произошедший с ними буквально вчера. Они всю ночь прятались в деревенском колодце, ожидая, когда бабы придут за водой… и дождались в конце концов. Однако когда они оттуда выпрыгнули, бабы не только не испугались, но даже начали дубасить их коромыслами.

А самая бойкая тетка еще и приговаривала: «А ну, вали отседова, мохрица вонюча! Шо, не слыхал – батьку твово святой Хреол захолол! Нетути его, хончилси! И ты за ним вали! А ну, пошел, хому хаварю?!». В королевстве Чри говорят на кахальском, но произношение немного отличается.

Саккакх/Трой сбежал, скуля от злости и обиды. И очень торопливо – на бабьи крики уже спешили встревоженные мужья, и кое у кого в руках поблескивало серебро… Каабарцы исстари привыкли иметь в доме хотя бы столовый нож из этого металла.

После этого «два в одном» окончательно решили драпать из этого мира. Только вот куда? Да, они могли без особого труда отыскать в бесконечной плеяде миров укромный уголок и залечь там на пару веков, зализать раны и накопить сил.

В принципе, такой уголок вполне можно было найти и на Каабаре – та же самая пещера, где их обоих убили, в конце концов. От обитаемых мест она очень далеко, без магии до полюса холода добраться очень нелегко, и там по-прежнему лежит прежнее тело Саккакха. Не знаю, может ли для чего-то оно еще пригодиться, но все-таки божественная плоть – не

хухры-мухры.

Но они предпочли драпануть сюда, на Лэнг. И не просто на Лэнг, а ко мне – точнее, к Лаларту. Насколько я понял, когда-то Иак Саккакх и Лаларту были дружны… настолько дружны, что он рассчитывал, что я помогу ему даже теперь.

Правда, мне кажется, что великий предатель надеялся в первую очередь не на дружбу, а на бестолковость Лаларту.

– Ночь. Непогодь. Ливень. Квартира рабочего Иванова. Стук в дверь. На пороге Ильич. Меня срочно накормить и спрятать! – задумчиво процитировал я, глядя в окно.

Спокойно разлагавшийся на ложе Саккакх не отреагировал на мой пассаж. Похоже, он впервые за почти два месяца слегка расслабился. Голова, торчащая на шесте, прикрыла глаз и высунула язык.

Выглядело это зрелище омерзительно. Но в Лэнге быстро привыкаешь – тут почти все омерзительно.

– Рабан? – вполголоса окликнул своего симбионта я, тихонько прикрыв за собой дверь.

– Да, патрон?

– Предложения будут?

– Ну-у-у, патрон, что ж я тебе – универсальный советчик на все случаи жизни?

– Мне говорили, что да.

– Это кто ж тебе такое говорил?

– Ты.

Рабан слегка смутился. Он действительно неоднократно

хвастался своими всеобъемлющими знаниями. Хотя советы обычно дает плохие – проще уж самому родить идею, чем ждать от него помощи.

Интересно, а что бы сказал по этому поводу Кальтенбруннер?

Хотя это уже из другой оперы.

А вообще – идея хорошая. В смысле – может, еще разок «Семнадцать мгновений» посмотреть? Плюсы очевидны. Во-первых, очень может быть, что я извлеку оттуда какую-нибудь подсказку – уже несколько раз извлекал. Во-вторых, не помешает освежить в памяти основы профессиональной разведки. Что поделаешь, учебников таких у меня нет, вот и приходится учиться по беллетристике… Тем более, что Юлиан Семенов, говорят, написал очень жизненную книгу.

Ну и в-третьих, мне просто нравится этот фильм.

– Лаларту… – донесся слабый голос из оставленного мной кабинета. – Лаларту, помоги…

– Сейчас, сейчас… Шойгу уже спешит на помощь… – язвительно буркнул я, заходя внутрь.

Там все осталось так же, как пять минут назад. Связанное туловище на ложе, отрубленная голова на шесте.

– Что, голову почесать? – хмыкнул я. – Сам не дотягиваешься?

– Меня надо спрятать! – зашептал Саккакх. – Меня ищут и скоро найдут! Я не должен попадать к Йог-Сотхотху, он

разберет меня на части! Мою душу отдадут на терзание асугалям! Я не хочу!

– Угу. А где же это мне тебя спрятать…

Я остановился на полуслове. В голову робко постучалась интересная мыслишка…

Конечно же, я ее впустил и радушно поприветствовал.

– Знаю я одно место… – очень добрым голосом сообщил я. – Я тебя там так спрячу – никто не найдет!

– Лаларту, ты настоящий друг… – облегченно вздохнул Саккакх.

После этого мозги у него опять раскиселились, и он выдал очередную порцию несусветной чуши. Все-таки, хорошо, что Рабан знает свое место, а то и я мог бы свихнуться, как этот…

Вот кто он сейчас такой? Не бог, не демон, не человек, вместо мозгов каша…

– Игорь!

– Слушаю, хозяин, – появился на пороге горбатый уродец.

– Я отлучусь на пару дней. Знаешь, что делать?

– Конечно, хозяин! Если спросит Носящий Желтую Маску, вы у Нъярлатхотепа. Если спросит Нъярлатхотеп, вы у Нергала.

– А если спросит Нергал?

– А Нергал не спросит! – радостно откликнулся Игорь, уже выучивший мои инструкции наизусть. – Нергалу по барабану!

Конечно, мелкий демон понятия не имеет, как это что-то может быть «по барабану» – просто повторяет за мной, как попугай. В Наг-Сотхе нет такого выражения. И в Ша-Ккине нет. И в Глубинном Наречии. И в Языке Мертвых. В Лэнге четыре основных языка… хотя Наг-Сотх – самый главный.

– Правильно, запомнил, хвалю, – похлопал его по сальной шевелюре я. – Что еще будешь делать, пока меня не будет?

– Охранять ворота. Не пускать гостей. Приглядывать за дьяволицами. Отгонять Бледных Призраков и Птиц Лэнга.

– И еще паутину вымети. Откуда ее так много набралось?

– Вы развели, – подобострастно ухмыльнулся Игорь. – Вы раньше пауков кушать любили… да чтоб пожирнее…

– Угу. Правда, что ли? Врешь, по-моему…

Уродец обиженно замотал головой.

– Ладно, верю. Но больше я пауков не люблю, так что вымети.

– А можно я их сам съем? – жалобно попросил Игорь.

– Да хоть в уши себе затолкай… Просто сделай так, чтоб я ее больше не видел, уи?

Горбатый дворецкий снова поклонился и выбежал за дверь, с ходу созывая дьяволиц – другой прислуги на верхних этажах нет. Оно и правильно, впрочем – представляю, если бы завтрак мне подавали Твари или эг-мумии… Так и стошнить может.

– Поднимайтесь, товарищ рабочий, пора доставить вас к вашей колхознице, – прокряхтел я, поднимая Саккакха на

ноги и втыкая ему в обрубок шеи длиннющую шпиговальную иглу.

Думаете, я садист? Хрена, товарищи – я просто чрезвычайно находчив и сообразителен. В другой конец я воткнул его одноглазую башку – а то она все время теряется. Ну не клеем же мне ее приклеивать?

Нет, я бы приклеил, но клея под рукой нету.

– А куда мы?.. – с трудом промямлил Саккакх. – Что-то я себя плохо чувствую…

– Неудивительно. Ты же на куски разваливаешься… Может, тебя изолентой обмотать? Будешь синим и желтым, хе-хе-х…

– Пфу-уф-фф… – невнятно буркнул бывший бог.

– Ну разве можно так за собой не следить? – неодобрительно прохрипел я. – У меня есть один знакомый мертвец – отлично выглядит, если не знать, что мертвый, ни за что не догадаешься…

– Что-то у меня в заднице как-то нехорошо… – обеспокоенно завертел кое-как прикрепленной башкой Саккакх.

– Ну а что же там может быть хорошего? – удивился я. – Вставай, морда, будем тебя починять… Давай, держи меня за руку – сейчас отправимся в желтый дом, там тебя встретят добрые внимательные санитары…

– А?

– Руку давай, говорю! – рявкнул я. – Рабан, стартуй!

– Ллиасса аллиасса алла и сссаа алла асссалла! Алиии!

Эсе! Энке илиалссаа оссса асса эллеасса оссо иииииии! Эсссееааааааа! Алаасса!

Пространство вокруг меня раздвоилось, изображения наложились друг на друга, а потом миры сменились. Вместо мрачного замка посреди мертвой равнины, освещаемой тусклыми красными лунами, я очутился в великолепном дворце, стоящем на хрустальном поле, со всех сторон окруженном садами удивительной красоты.

– Дорогая, я дома… – еле слышно прошептал я.

А вот Саккакх отнюдь не разделял моей радости. Он резко вырвал руку и дико завопил, ошалело оглядываясь по сторонам.

– Это… это… это ДЕВЯТЬ НЕБЕС?!! – завизжал он. – Лаларту, ты предатель!!!

– Предать можно только своих, – раздался мягкий голос с лестницы. – А Олег Бритва никогда не был одним из вас.

Светловолосая красавица приятно улыбнулась мне, протягивая руку для поцелуя.

– Добро пожаловать домой, друг мой, – ласково коснулась моего плеча она.

Глава 3

Спустя час мы сидели за столом – леди Инанна на редкость гостеприимна и никогда не отпускает меня без угощения. Сама она ничего не ела – она богиня, ей есть вообще необязательно. Иногда она все-таки вкушает за компанию печеньице или кренделек, но обычно просто смотрит с улыбкой, как насыщаюсь я.

Саккакху никто ничего не предложил. Впрочем, его даже за стол не посадили – сейчас он покачивается рядом со столом в какой-то специальной клетке для демонов. Вид у него не просто несчастный – он буквально излучает горе пополам со злобой.

– У вас хороший аппетит, друг мой, – лукаво заметила Инанна, положив подбородок на скрещенные ладони. – Отрадно видеть, что вы по-прежнему в хорошей форме.

– Угу. Мг-м, ам-гм, чавк-чмак, аарммммх.

– Прожуйте, Олег, – с легкой укоризной посмотрела на меня богиня. – Вот, возьмите еще тост. Джем будете?

Я попробовал тосты – масло было нежнейшим, корочка хрустела. Восхитительно. Как же я все-таки счастлив, что Рабан восстановил мне чувство вкуса – без него жизнь утрачивает много красок.

– Хорошее масло, – прокомментировал я, отправляя в пасть еще порцию. – А «Раму» боги едят?

– Нет, конечно… и плинтусов не едим, – улыбнулась тому, что она посчитала за шутку, Инанна.

– Да нет, это из рекламы… Масло «Рама» – его там все боги уплетали… Особенно Афродита. Оно вроде как одновременно и вкусное, и полезное.

Инанна только пожала плечами. Ни один земной продукт не может сравниться с кухней богов. А полезность… боги не нуждаются в диетах и витаминах.

Между прочим, Афродита – это как раз одно из имен Инанны. Многие боги известны под несколькими именами. К примеру, Энлиля греки называли Посейдоном, а Нинхурсагу переименовали в Деметру. Инанну знают под именами Иннин, Нинанна, Иштар, Ишхара, Ашторет, Ануниту, Нанайя, Астарта, Атаргатис, Шавушка… И это еще только малая часть!

Конечно, наиболее известен именно эллинский вариант – Афродита. Но моя начальница всегда недолюбливала этот народ – очень уж они сократили ее полномочия. Да и вообще ей не нравится та эра в ее жизни – вспомнить хоть Троянскую войну, когда ее ранили в плечо. Причем ладно бы то был другой бог или могучий демон, а то ведь простой смертный… пусть и с кое-чьей помощью.

– Позвольте уточнить еще раз, – перешла к делу Инанна, убедившись, что я, наконец, насытился. – Вы абсолютно уверены, что никто, кроме нас с вами, не знает, что Близнец… Иак Саккакх возродился к жизни?

– Еще я знаю… – вяло буркнул Саккакх.

– Никто, миледи, – подтвердил я. – Игорь его видел… это мой дворецкий… но он не знает, кто это такой.

– Это очень хорошо… – задумалась Инанна, разглядывая себя в зеркальце.

Саккакх что-то злобно бубнил на тему, как нам повезло, что он сейчас такой слабосильный, и что бы он сделал с нами, вернись к нему вдруг прежнее могущество.

В принципе, я это вполне представляю – окажись здесь, в Хрустальных Чертогах, другой архидемон, не ущербный, это будет означать для нас огромные неприятности. Конечно, тут он утратит изрядную часть сил, однако далеко не все, далеко…

– Ну а теперь подумаем, что же с ним делать… – удовлетворенно обернулась к клетке богиня. – Ваши предложения, друг мой?

– Мн-у-ум… – на миг прекратил жевать я. – Миледи, а что это за желтая бурда?

– Тимбало ди ризо – рисовый паштет, – рассеянно откликнулась Инанна, поглаживая своего любимца – крупного панголина. Зверек, больше всего похожий на огромную сосновую шишку, довольно пофыркивал, время от времени касаясь пальцев богини длиннющим языком. – Так что вы можете предложить?

– Ну что… Убить, наверное…

– Ни в коем случае!

– Уважаемый Саккакх, пожалуйста, не вмешивайтесь в разговор, который вас не касается, – мило улыбнулась своему давнему врагу Инанна.

– Это меня-то не касается?! Да еще как касается! Клянусь затонувшим Р'льиехом, когда я верну прежнюю силу, я убью тебя, богиня!

– Пустые угрозы. Вы ее никогда не вернете.

– Ну так что?.. – медленно начал выпускать когти я. – Мне сделать? Я не стал убивать его там, на Лэнге…

– И правильно.

– …но здесь-то, думаю, можно?

– Знаете, лучше пока не стоит… – задумалась Инанна. На лице Саккакха явственно проступило облегчение. – Сейчас он безвреден…

– …и бесполезен, – закончил я.

– …и очень полезен, – одновременно закончила моя начальница.

Я сконфузился.

– Еще вина? – предложила богиня, заметив, что мои бокалы (три штуки) пусты. – А вы не желаете, Иак Саккакх?

– Да, с удовольствием. Я люблю хорошее вино. Ни за что! Я ненавижу эту дрянь! – почти без перерыва сообщил Саккакх.

У него опять началось смещение разумов. Трой, будучи самым обычным человеком, с удовольствием употреблял вина. Иак Саккакх, будучи архидемоном и Темным богом, от-

давал предпочтение несколько другим напиткам.

Большую часть времени Саккакх доминирует, но иногда Трой все-таки прорывается.

– Вы нашли его именно в таком виде? – подошла к клетке Инанна. Панголин, сброшенный с уютных колен, обиженно зашипел.

Должен сказать, я его понимаю…

– Ну, я ему голову прикрепил… но больше ничего не менял. Хотя еще его вымыли – он бы тут все ковры перепачкал. Диван мне испортил, скотина…

– Ничего, отмыли бы… – безразлично пожала плечами богиня.

В отличие от моего замка, в Хрустальных Чертогах трудятся невидимые слуги – существа, не имеющие души, лишь некий заменитель. И, в отличие от дьяволиц и прочих демонов-прислужников, они никогда не халтурят и не отлынивают от работы – потому-то обиталище Инанны просто сияет чистотой.

А вот я тону в грязи. Но, в конце концов, мне и так достался целый замок на халяву – никто не обещал, что он будет еще и опрятным. Я все-таки не Джеймс Бонд, чтобы разгуливать в смокинге, пить мартини и посещать балы.

Но Саккакх, конечно, выглядит не лучшим образом. Вместо одежды – жалкая рвань, за полтора месяца скитаний по Каабару насквозь пропитавшаяся грязью. Вещей у него никаких не было… ну, если не считать снега за пазухой и жука,

устроившего себе дом в пустой глазнице.

– А для чего он нам? – потыкал Саккакха хвостом я.

Тот недовольно отодвинулся и начал что-то нечленораздельно бормотать, время от времени хихикая. Трой, на время притихший, снова заявил о себе, и двойное сознание начало расплываться.

– Хотя бы в качестве источника информации… – задумалась Инанна. – Он ведь все-таки побратим С'ньяка, один из наиболее могущественных архидемонов Лэнга… Он многое знает.

– Но он смылся оттуда… сколько там? шесть? семь тысяч лет назад?

– Шесть с половиной. Аккурат перед вторжением Мардука. Но это не имеет значения, Светлые и Темные миры изменяются очень медленно. Это ваша Земля шесть тысяч лет назад и сегодня – абсолютно разные миры. И мой Каабар тоже за этот срок перевернулся с ног на голову… хотя нет – с головы на ноги. Теперь ведь они поклоняются мне – что может быть правильнее? А вот Лэнг или Девять Небес изменились гораздо меньше.

Шишкообразный панголин неуклюже проковылял к хозяйке и раздраженно пихнул носом ее коленку. Инанна ласково погладила его по макушке, но он, похоже, остался недоволен. Богиня прищелкнула пальцами, и один из Слуг немедленно поднес ящеру блюдечко высушенных термитов.

– А еще мне бы хотелось оставить его здесь до возвраще-

ния Креола… – задумчиво обошла вокруг клетки Инанна.

Саккакх затрясся от ужаса. Обеим душам, заключенным в этом теле, совершенно не хотелось встречаться с Креолом.

– Да и мне самой он может пригодиться…

– Зачем? – насторожился бывший бог.

– Вы доставили мне множество неприятностей, враг мой, – с обычной любезностью заметила Инанна. – Естественно, я не питаю к вам теплых чувств. Скорее всего, я запру вас где-нибудь понадежнее, а когда Креол окончит дела на Рари, мы с ним займемся вами вплотную…

– Меня что, будут пытать?!! – поразился Саккакх. – Ты же Светлая, ты не имеешь права так поступать!

– О, что вы, враг мой! – притворно возмутилась Инанна. – Я – не буду! Зачем мне портить ауру, когда у меня есть такой верный друг, как Креол? Мне кажется, он тоже не питает к вам любви… А я… я всего лишь хрупкая женщина, я постою в сторонке. И глаза закрою.

– Богиня, я бы убил тебя быстро… – злобно проворчал Саккакх.

– Вот в этом и заключается разница между нами, – серьезно кивнула миледи. – Вам бы все только убивать… Жизнь – ценнейший дар, ее нельзя просто так отнимать! Нет, враг мой, я хочу, чтобы вы жили еще очень долго…

– Но разве быстрая смерть не приятнее? – удивился я.

– Приятнее? – приподняла брови богиня. – Что же тут приятного? Это же так скучно, друг мой! Не знаю, как вам,

но мне приятно, когда мои враги корчатся.

– Миледи… – недоверчиво посмотрел на нее я.

– Ах, друг мой, так вы мне поверили?! – заливисто рассмеялась Инанна. На ее щеках появились очень милые ямочки. – Но я же всего лишь пошутила! А заодно слегка припугнула нашего гостя – это он, во всяком случае, точно заслужил…

Саккакх слегка расслабился. Я тоже. Признаться, подобные речи в устах богини Добра и Света меня чуточку нервировали.

Хотя я с самого начала подозревал, что она просто шутит.

– Так меня все-таки убьют быстро? – с надеждой уточнил Саккакх.

Он отлично понимал, что Креол с ним шутить не станет – если великий маг узнает, что не добил обоих врагов, то почернеет от бешенства. А это крайне плохой признак…

– Я вообще не собираюсь вас убивать, – успокоила его богиня. – Признаться, я была немного недовольна, узнав, что вы погибли…

– Не верю, – презрительно скривился Саккакх.

– Это ваше дело. Но я и в самом деле не хотела вашей смерти.

– Богиня, придумай ложь поубедительнее!

– Иак Саккакх! – гневно сверкнули прекрасные глаза Инанны. – Подумайте той гнилой кашей, что заменяет вам мозги! Что, по-вашему, я выиграла от вашей смерти?!

– Дай-ка подумать… – злобно блеснул окровавленный глаз Саккакха. – Каабар?

Я невольно хлопнул в ладоши – уел ее этот безголовый обрубок, уел… Хлопок прозвучал необычайно громко и отчетливо – ладоней у меня целых шесть, к тому же твердые, как дерево, и звук порождают соответствующий. Да и акустика в этой столовой отличная.

Богиня сухо поджала губы, одарив меня недовольным взглядом.

– А теперь подумайте еще раз! – начала раздражаться она. – Я понимаю, что Креол проткнул вам голову копьем, но какой-то разум у вас должен был сохраниться! Вдумайтесь! Вы можете припомнить значимого Светлого бога или богиню без антагониста?!

– Ах вот что ты имеешь в виду… – мерзко ухмыльнулся Саккакх. – Ну да, ну да, конечно… И в самом деле – кто же станет приносить тебе жертвы, если на горизонте не маячит ужасный Близнец?

Я постепенно начал понимать суть проблемы. Да, верно, в большинстве религий имеется не только добрый бог или боги, но и некие злобные силы, от которых этот бог людей защищает. Священники в церквах не только расхваливают рай, но и страшат прихожан адом.

И последнее зачастую более действенно – угрозы всегда воспринимаются лучше, чем посулы.

– Кнут и пряник… – пробормотал я.

– Я согласен! – тут же поспешил сообщить Саккакх.

– Помолчите, враг мой, – саркастично посмотрела на него Инанна. – Во-первых, вы в любом случае согласитесь – альтернатива у вас безрадостная. Во-вторых, отныне вы будете находиться в моем подчинении и под моим контролем. Я буду жестко ограничивать вас в каждом шаге – даже думать забудьте о том, чтобы причинять какой-то реальный вред моим адептам! Этого я не допущу! Только смутная тень угрозы, наказание после смерти, воздаяние за грехи… ну и может быть, чуть-чуть монстров, чтобы моим паладинам было на ком тренироваться.

– А они-то тебе зачем? – хмыкнул Саккакх. – Все, ты победила. Распусти их.

– Не хотелось бы. Люди нуждаются в образце для подражания. В светлом и чистом образе, на который можно равняться. Орден Серебряных Рыцарей идеально играет эту роль.

– Ну тогда пусть и дальше играют. Кто им мешает? Уж точно не я!.. теперь.

– Образцу для подражания нужно реальное дело, – терпеливо объяснила Инанна. – Какая-нибудь достойная задача. Иначе они станут пустой иконой – красивой, яркой, но бессмысленной. Или хуже того – погрязши в безделье, утратят свои идеалы. Такое бывало уже не раз.

– А почему ты вообще так заботишься об этих людишках? – развалился в клетке Саккакх. Он уверился в своей

безопасности и стремительно начал наглеть. – Им-то ведь на тебя наплевать!

– Смею с вами не согласиться, враг мой. Я же слышу весь Каабар. Чувствую каждую мысль, каждую молитву, что посылают мне мои адепты. И хотя среди них, не спорю, есть и не самые мне приятные, большая часть их меня радует. Конечно, вам этого не понять – ваша-то ба-хионь приправлена только страхом и ненавистью…

– Богиня, богиня… – насмешливо покачал головой наш узник. – Может быть, проведем эксперимент?

– Какой?

– Передай мне Каабар в управление на пару годиков…

– Не может быть и речи! – возмутилась Инанна.

– На пару месяцев?..

– Даже не думайте!

– На день. Всего на один день.

– Нет!

– Ну хорошо, уменьшим масштабы, – не стал настаивать Саккакх. – Давай возьмем какого-нибудь праведника, одного-единственного… есть у тебя кто-нибудь, кто поставляет особенно много ба-хионь? Только не паладины! Паладинов ты слишком зазомбировала.

Инанна на миг задумалась, вытащила прямо из воздуха пергаментный свиток и начала его просматривать. По-моему, этот желтоватый рулон был бесконечным – он все разматывался и разматывался…

– Ну вот, есть очень благочестивый человек, – наконец сделала выбор Инанна. – Джодо Маркшим, живет на Слоккерсе. Молится по шесть раз в день, постоянно меня восхваляет, каждый раз отдает много ба-хионь. Жертвует деньги на храмы, помогает бедным, практически никогда не грешит…

– И, наверное, полностью доволен жизнью? – вкрадчиво уточнил Саккакх. – У него все хорошо, ничем не обижен?

– Он богат, если ты это имеешь в виду, – сердито ответила Инанна. – Но я ему ничем не помогала – он добился всего сам. Унаследовал капитал от отца, приумножил его… У него любящая семья, много друзей, он здоров и крепок телом… Очень хороший человек.

– Но благодарит-то он за все блага тебя, верно?

– Да, верно… – неохотно согласилась Инанна.

– Вот давай на нем и поставим эксперимент. Отдай его в мое распоряжение!

– Зачем? – насторожилась богиня.

– А вот зачем! Я лишу его всех благ, умерщвлю всю семью, нашлю болезни и проклятья! Друзья от него отвернутся, он наденет рубище, будет голодать и мучиться! И посмотрим, продолжит ли он так же восхвалять тебя, как и сейчас!

Инанна неверяще уставилась на него, хлопая длиннющими ресницами.

– Ну так что, богиня? – нетерпеливо заерзал Саккакх, уже предвкушая интересное развлечение. – Попробуем? Обещаю, когда я с ним закончу, он будет проклинать тебя, при-

зывать на твою голову самые страшные кары…

– Друг мой, пусть он замолчит, – холодно произнесла богиня. – Я не желаю слушать этих мерзостей.

Я повиновался инстинктивно. Вот я стою неподвижно, а вот уже лечу гигантским прыжком к клетке. Когти выпрыгивают из пазух, прутья разлетаются на осколочки, а на горле Саккакха смыкаются сразу три семипалые ладони. Еще мгновение, и голова отлетит от туловища…

– Нет-нет, не убивайте его! – торопливо остановила меня Инанна. – Разумеется, чего же еще было ждать от Близнеца?..

– Да ничего страшного, не сдох бы, – разжал хватку я. – У него голова гвоздем прибита – хотите, покажу?

– Сказала бы просто «нет»! – злобно проворчал Саккакх, падая на пол. Само собой, боли он не чувствовал. – Подумаешь, один человечишка – что такого?!

– Вы никогда этого не поймете… – грустно покачала головой богиня. – Для вас смертные – всего лишь забава…

– Конечно, – удивился Саккакх. – И еще пища.

– Вот потому вы там, а я здесь, – отвернулась от него Инанна. – Не буду лгать, я тоже не всегда добра к своим верующим… Олег вам подтвердит… но я никогда не причиняю им вреда просто так, ради забавы.

– Это пока, – хмыкнул Саккакх. – Ты просто еще слишком молодая. Полная иллюзий. Я тоже когда-то таким был…

– Все, на сегодня я сыта вами по горло, – отмахнулась

Инанна. – Но мы продолжим разговор по возвращении Креола… Думаю, у него найдутся вопросы к вашей «второй половине» – Трою. К примеру, где он достал столько Душ Тьмы… Уведите его!

Сначала я не понял, к кому она обращается. Но потом в дверь шагнули двое рослых мужиков в необычной одежде, похожей на мушкетерские плащи. Только желтые.

В их внешности вообще преобладал желтый цвет – кожа желтая, одежда вся желтая… Да к тому же светятся. Не так сильно, чтобы щуриться, но читать при этом свете, думаю, можно. Лица неподвижные, как будто высеченные из камня.

– Кто это? – спросил я, когда надутого Саккакха уволокли.

– Солнечники, – рассеянно ответила Инанна. – Владыка Шамаш благосклонно выделил мне одну из своих рот. Семьдесят опытных солдат.

– Негусто…

– Каждый солнечник без труда может одолеть сотню бойцов-людей, – слегка улыбнулась богиня. – Они примерно соответствуют ангелам или младшим демонам.

– А, ну тогда еще ладно…

– Я ведь тоже не сижу сложа руки! – слегка обиделась моя очаровательная начальница. – Шамаш уже прислал своих солдат, Эа и Энлиль тоже обещали уделить частичку своих гвардий… Конечно, я не могла сказать им, для чего мне это нужно на самом деле – они считают, что я наконец-то решила обзавестись своей армией…

– А почему бы не сказать? – удивился я.

Инанна отвела глаза, с притворным интересом глядя в окно. Хотя ничего нового там не появилось.

Через несколько секунд я догадался, почему не сказать. Само собой, если она возьмет в союзники других богов, с ними придется делиться добычей. А Лэнг и без того не слишком жирный кусок. Одной богине и одному архимагу – более чем достаточно. Но если число пайщиков возрастет…

Ясное дело – Инанна, само собой, богиня добрая и бескорыстная, но о своих интересах все-таки не забывает. Не полная же она дура.

– А вы и в самом деле вернете его на Каабар? – спросил я, насаживая на коготь ломтик лососины.

– Саккакха? – уточнила богиня. – Нет, ни в коем случае. Эту ошибку я больше не повторю – никакой самостоятельности он не получит. Думаю, до войны с Лэнгом побудет здесь, в моей темнице. А потом… Ну что ж, если мы проиграем, мне будет безразлично, что с ним станет. А если победим… тогда, думаю, мы выделим в Лэнге участок и устроим там каабарский ад под управлением Саккакха. Но никакой реальной власти ему не достанется – просто формальный председатель.

– И еще надо подумать, под каким соусом подать это публике, – дополнил я. – Каабарцы уже знают, что Близнец убит.

– Нет, это как раз не проблема. В конце концов, Тиамат после смерти еще многие века оставалась главным пугалом

Шумера. А я умирала девять раз, но, как видите, стою перед вами живая и здоровая. Правда, следует различать смерть тела… и окончательную смерть. Адамант убивает бога окончательно – шансов выжить практически нет… Мардук как раз так и убил Тиамат – рассек ее адамантовой секирой.

Мы еще некоторое время беседовали о том, о сем. В основном о всяких пустяках. А потом я вдруг вспомнил о записке, принесенной Пазузу.

Инанна ужасно встревожилась. В мгновение ока она превратилась из богини в простую испуганную женщину – все-таки она далека от ратных дел и не отличается большой храбростью. Вот мистер Креол, полагаю, когда узнает, просто почернеет, как головешка, призовет сюда Пазузу и будет бить его цепью и молниями, пока тот не расколется.

Кстати, неплохая идея…

– Ну так что? – нетерпеливо спросил я.

– Оставьте мне эту записку ненадолго, – справившись с волнением, предложила Инанна. – Я попробую что-нибудь выяснить… А вы пока…

– Обратно в Лэнг?..

– Нет, пока не стоит, – отвергла эту мысль богиня. – Если вас действительно разоблачили, пока что лучше не возвращаться – мне не хотелось бы подвергать вас слишком большой опасности, друг мой…

Я в курсе, что сейчас богиня преследует в том числе и собственные интересы. Ей ведь тоже придется несладко, ес-

ли с меня сорвут маску. Но на душе все равно стало теплее.

– Тогда я пока побуду здесь?..

– Возможно… Хотя знаете… А между прочим, я совсем забыла, – вдруг прищелкнула пальцами Инанна. – Как там Ктулху?

– Спит, конечно, – ничуть не удивился вопросу я. Она каждый раз об этом спрашивает. – Но ворочается все сильнее.

– Дело в том, что я вспомнила об одном средстве… такой, знаете, порошочек. Если растворить его в водах Р'льиеха, он подействует, как сильнейшее снотворное.

– Тогда мы можем просто… – обрадовался я.

– Нет, к сожалению, – тут же разочаровала меня Инанна. – Боюсь, не существует такого средства, чтобы продлить этот сон надолго. Но вот оттянуть пробуждение Ктулху еще на несколько месяцев, а то и на целый год – это мы действительно можем. А в нашем положении нельзя пренебрегать даже такой крохотной отсрочкой…

– Угу. Отлично, миледи, давайте мне этот порошок, и я полетел.

– Боюсь, все не так просто… – замялась богиня.

Я снова ничуть не удивился. Вопреки всем ее заверениям, Инанна чрезвычайно не любит работать сама. Если она обещает что-то сделать, обычно это означает, что она найдет кого-нибудь, кому это можно перепоручить.

Единственный случай на моей памяти, когда она действи-

тельно взялась за дело сама – это когда облачилась в одеяние Серого Плаща и взялась меня опекать… точнее, целенаправленно издеваться. Конечно, намерения у нее были самые добрые, и для меня это все было чем-то вроде прививок, но все равно больно было зверски.

– Ну хорошо, я все сделаю, – смирился я. – Так в чем проблема?

– Этого порошка у меня нет… точнее, он у меня был, но закончился. Но я знаю место, где можно достать еще.

– Рабан, записывай, – лениво отправил в пасть еще кусок лосося я. Аппетит у меня не просто хороший, а просто-таки феноменальный.

– Этот мир лежит через один отсюда, – начала излагать Инанна. – Как раз по соседству с Лэнгом. Около века назад я посещала его… просто в виде туризма. Богам тоже иногда хочется развлечься и поглазеть на достопримечательности. И в музее одной из их столиц видела то, что нам нужно. Запоминайте – это небольшая статуэтка в виде лупоглазого человечка с огромным… животом. Точно такой же предмет когда-то был и в нашем мире, вот почему я сразу его узнала. Там есть небольшой секрет – если нажать одновременно на оба глаза, темя, пуп и промежность, открывается потайное отделение. К счастью, местные жители до сих пор его не обнаружили…

– Интересно, почему? – саркастично хмыкнул я. – Чего уж проще – нажать одновременно на пять точек… Спорим,

Сэм Ллойд сразу бы догадался?

В Хрустальных Чертогах я от скуки решил уйму заковыристых головоломок Ллойда – до сих пор вспоминаю.

– Олег, ну вы будете слушать?.. – обиженно захлопала ресницами Инанна. – Не перебивайте, а то я что-нибудь забуду!

– Простите, миледи, – покаялся я.

Проклятье, эта богиня из меня просто веревки вьет! Когда она так делает глазами, я готов перерезать себе горло, только бы она улыбнулась! Это на Креола ее чары не действуют – он вообще человек жесткий и никому не подчиняется (кроме своей ученицы-американки – по-моему, это как раз то, что французы называют «l'amour»).

Правда, для архимага у миледи припасены другие методы – давить на самолюбие, например…

– Не буду ничего подробно расписывать, вы там задержитесь всего на пару дней, – поспешила успокоить меня Инанна. – Просто переместитесь, заглянете в музей, заберете статуэтку и обратно. А когда вернетесь в Лэнг, распылите этот порошок над Р'льиехом. Все ведь просто, верно?

– Угу. А что за мир? Изложите в двух словах, чтоб мне не вслепую там шариться…

– Не бойтесь, вы там не заблудитесь, – улыбнулась богиня. – Этот мир соответствует нашей с вами родной Земле, только слегка обгоняет во времени – сейчас у них должен быть 2016 год. А в остальном – практически точная копия. Ну, во всяком случае, сто лет назад никакой разницы не бы-

ло… Политехнический музей, город Москва… вам ведь знаком этот город, верно? Я дам вам фотографию… ваше Направление ведь может найти предмет по фотографии?

– Угу. Не переживайте, миледи, все просто великолепно, – расслабился я. – Золотая Москва… Лучший город во Вселенной… Туда я готов в любой момент. Посмотрим, во что она превратится через десять лет… Еще какие-нибудь инструкции будут?

– Да нет, никаких затруднений быть не должно. А пока вы путешествуете, я поработаю с вашей запиской – и будем надеяться на лучшее…

– Тогда бон вуаяж, миледи. Приглядывайте тут за Саккакхом, чтоб не сбежал… Рабан, стартуй!

– Ллиасса аллиасса алла и сссаа алла асссалла! Алиии! Эсе! Энке илиалссаа оссса асса эллеасса оссо ииииииии! Эсссееааааааааа! Алаасса! – с готовностью откликнулся мозговой паразит.

И мы переместились.

Глава 4

Не буду распространяться о мире, ставшем промежуточной остановкой между Девятью Небесами и Землей-2016. Я задержался в нем минут на пять, не больше – ровно тот срок, чтобы Рабан передохнул.

Но когда мы сделали еще один прыжок… первое, что я совершил в новом мире – подпрыгнул как можно выше, усиленно взмахивая крыльями. Потому что этот безмозглый дуболом, сидящий у меня в голове, переместил нас в центр большой улицы, на мостовую, прямо перед бампером несущегося автомобиля.

– Москва! – гордо воскликнул Рабан. – Здорово я, а?

– Да уж куда здоровей…

Подо мной заскрипели тормоза – водитель, ошарашенный появившимся из ниоткуда демоном, лишь чудом не врезался в столб. Стоявший на перекрестке регулировщик зачем-то засвистел, глядя на меня ошалелыми глазами. Народ на пешеходном переходе, как раз пересекающий улицу, замер, единодушно пялясь на невиданное зрелище.

Одним своим появлением я парализовал оживленное движение.

Кляня на чем свет стоит Рабана, я заработал крыльями, поднимаясь в небеса. Не люблю быть нездоровой сенсацией – смущаюсь сильно. Да и кто бы на моем месте не сму-

тился?

Далеко улетать я не стал – перенесся через парапет, огораживающий крышу высотного здания, и затаился за ним. До моих сверхчувствительных локаторов по-прежнему доносились удивленные вскрики и гомон. Народ делился впечатлениями и громко переговаривался, обсуждая, что это такое только что было.

Преобладали три версии – марсианин, байкалец и мудак. Если первая версия удивила мало – меня уже не раз принимали за инопланетянина, то вторая озадачила, а третья просто возмутила. При чем тут Байкал? Я там даже не был ни разу. И почему сразу обзываются? Я, конечно, не красавец, но так-то за что?.. Пальцем никого не тронул…

Здание, на котором я укрылся, выглядело пустынно. Во всяком случае, его крыша. Ну еще бы – кому, кроме меня и Карлсона, понадобится шастать по крышам? Ничего особенного – шестнадцать этажей, белая штукатурка… Еще не облупилась – похоже, не слишком старое. Но пока никаких особенных отличий от нашего мира я не заме…

Заметил. Повернувшись в другую сторону, я заметил разницу. Да такую, что и слепой бы понял, что это не мой родной мир. Потому что всего в километре к востоку я увидел порт.

Морской порт! В Москве! И дальше до самого горизонта – лишь мягко колышущиеся волны.

И чайки…

Почему-то чайки поразили меня особенно сильно.

– А!.. Э!.. У!.. – только и смог сказать я, тыкая в ту сторону всеми правыми руками.

– Чего? – не понял Рабан. – Патрон, ты извини, я немножко промахнулся. Хотел приземлить нас в подворотню, но у них тут, похоже, город успели слегка перестроить, нету больше подворотни – перекресток.

– А ты тут раньше был, что ли? – слегка опомнился я.

– Да, мы с Волдресом лет десять назад сюда заезжали. Почти на два месяца задержались – дела были кое-какие… Полмира объехали, пока разобрались…

– Угу. Ладно, допустим. Слушай, ответь мне, пожалуйста – это что вон там такое?

– Море, – совершенно спокойно ответил Рабан.

– В Москве?! С каких это пор Москва переехала к морю?!

– Это не Москва переехала. Это море переехало.

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее.

– Обязательно… но ты бы, патрон, дислокацию поменял, а? Тут милиция хваткая, как крабы – кого хочешь сцапают. Тебе это надо?

Действительно, мне это совсем не надо. Сомнительно, конечно, что менты станут ловить демона… и еще сомнительнее, что им это удастся. Но дедушка Ленин был архиправ – конспирация, конспирация и еще раз конспирация, батенька.

Я задумался, где тут можно схорониться на несколько ча-

сов. При свете дня гулять по большому городу с моей внешностью неразумно. Нет, конечно, если это такой город, как Миргород, Терраполис или Ирем, внешность большого значения не имеет… но это Москва. А москвичи хоть и привыкли к гостям из других краев, но все-таки не до такой степени.

В конце концов я аккуратно переполз через парапет (само собой, с другой стороны дома) и затаился на одном из балконов. Сверху меня не видно, снизу тоже. Обнаружить можно только одним способом – из квартиры. Но Направление ясно указывает, что в этой квартире сейчас никого нет, так что потревожить меня в ближайшее время не потревожат. Если хозяева вернутся, Рабан меня предупредит.

Надеюсь…

Похоже, на этой Земле, как и на моей, стоит лето. Правда, не начало июня, а самый конец августа – кое-где на деревьях уже намечается пожелтение. Но в целом эта Москва выглядит нарядно – здания почище, чем в моей, да и покрасивее, на улицах порядок, грязи не видно, мата не слышно. На перекрестке регулировщик (светофоры почему-то отсутствуют), машины движутся очень аккуратно, пробок не наблюдается.

Машины тут необычные – на наши не похожи. Нет, конечно, колес тоже четыре, кузов, багажник, капот, все такое. Но форма другая – что-то вроде приплюснутых капель. Обводы очень плавные, цвет почти у всех канареечно-желтый, а на крыше торчит что-то вроде серповидных радиолокаторов. Почти все авто одного и того же образца – различия ми-

нимальны.

И асфальт у них постоянно мокрый – по-моему, из-под машин все время брызжет вода. Меленько так, едва заметно, как будто стеклоочистители протекают. Выхлопных труб нет. А потом я заметил, как одна машина остановилась. Водитель вылез с сердитой рожей, открыл багажник и достал оттуда что-то вроде кислородного баллона. Подключил его к своему агрегату, открыл вентиль, подождал пару минут, сел и поехал. Это он что – типа как искусственное дыхание сделал?

– Да не, заправился просто, – хмыкнул Рабан. – Тут все машины на водороде работают. Видишь, сзади хреновины торчат? Это поглотители из окислов металлов. А водород, когда сгорает, дает воду – ее они просто сбрасывают. Заодно и автоматическое мытье дорог.

– Хитро… – уважительно посмотрел на вереницу автомобилей я. – А бензиновых, значит, больше нет?

– За границей еще есть – там их пока что разрешают держать. Но с нефтью тут плоховато, так что на них и там мало ездят. Дорого обходится.

– А в России что, запрещено?

– Какой еще России, патрон? – как-то очень противно захихикал Рабан. – Эта страна называется Советским Союзом, и в следующем году отмечает свое столетие.

– Угу. Понятно.

В принципе, я ничуть не удивился. Я был в мире, в ко-

тором Вторую Мировую выиграли фашисты, видел планету, на которой великий ацтекский мореплаватель Ицамца-Пуч открыл и завоевал Европу, посещал измерение, в котором Мухаммед умер еще в пеленках, и ислам так никогда и не возник (то самое, кстати, где я был шафером у принца Сигизмунда). А еще в одном мире даже сам направил историю по другому пути, убив Готфрида Бульонского. Я потом узнавал – крестоносцы после этого и в самом деле повернули назад, оставив Иерусалим в покое. Хотя Второй Крестовый Поход, наверное, все-таки состоится – тут ведь не только в религии дело. Большая политика, друзья мои, ничего не поделаешь…

– А миледи говорила…

– Что говорила? – с готовностью откликнулся Рабан. – Что сто лет назад тут все было, как у вас. Так правильно – различия пошли с сорок пятого года. А до этой даты все было точно так же.

– Ладно, допустим. Но откуда взялось МОРЕ?! – не выдержал я. – Давай, рассказывай! Все равно до вечера ждать.

Рабан на пару секунд задумался, а потом начал рассказывать.

Расхождения между моим родным миром и этим начались с восьмого мая 1945 года. Еще точнее – с одиннадцати часов вечера. Ученые за семьдесят лет установили момент совершенно точно.

В этом мире девятое мая (или восьмое, как в Европе), не

отмечают праздником. Несмотря на то, что окончательная победа над фашистской Германией состоялась именно в этот день. Но так уж совпало, что одновременно с этой победой произошло еще кое-что, превратившее праздничный день в траурный. И по сравнению с этой катастрофой Вторая Мировая выглядит просто мелкой бытовой неурядицей.

А произошло то, что когда-нибудь, возможно, произойдет и у нас. Потепление климата. Точнее, выравнивание – на всей планете установился единый температурный режим. Как и почему? Ученые этого мира гадают об этом и по сей день. Астрономы утверждают, что в космосе не происходило ничего необычного, геологи заявляют, что внутренности планеты чувствуют себя нормально, океанологи докладывают, что с их подопечным все в полном порядке. И тем не менее… Выдвигались даже сверхъестественные версии – кара Господня, происки Сатаны, злобные (или добрые) инопланетяне, и прочее, прочее, прочее…

Ответа до сих пор нет. Это просто произошло.

И в первый момент всем показалось, что ничего плохого в этом и нет. В самом деле – полюса потеплели, пустыни расцвели, климат изрядно улучшился. Планета словно бы преподнесла приятный сюрприз своим обитателям. Только вот у сюрприза оказался маленький, но неприятный побочный эффект…

Полярные льды растаяли.

В летописях миргородской школы магов это событие

незатейливо окрестили Третьим Потопом. И вполне справедливо – под воду ушла почти треть земной суши. Переоценить такую катастрофу нелегко.

Материк Евразия перестал существовать, разделившись на материк Азия и огромный Европейский архипелаг. На картах появились такие моря, как Западно-Сибирское и Амазонское, острова Урал, Камчатка, Крым, Скандинавия, Корея… Значительная часть лучших земель человечества оказалась утрачена. Воды поглотили великое множество городов, в том числе Париж и Лондон, Берлин и Стокгольм, Киев и Санкт-Петербург, Нью-Йорк и Чикаго, Буэнос-Айрес и Пекин… Другие оказались более удачливы – Рим, Мадрид, Мехико, Анкара, Дели по-прежнему незыблемо стоят на своих местах. А вот Москва, как и Вашингтон, Лос-Анджелес, Рио-де-Жанейро, Токио, Бомбей и многие другие мегаполисы, серьезно пострадала, но все же уцелела.

Соленые воды сожрали три четверти златоглавой столицы. Правда, за семьдесят лет, прошедших с тех пор, она полностью отстроилась, и сегодняшняя Москва раскинулась даже шире, чем ее двойник в моем мире. К тому же она нежданно-негаданно стала портом и находится теперь на острове – одном из множества островов Советского архипелага.

Само собой, история изменилась не просто ощутимо, а прямо-таки глобально. К счастью, таяние льдов и повышение уровня моря прошло не в один день, так что народу погибло меньше, чем могло бы при других условиях. Нет, на это

потребовалось пять с половиной лет – к 1951 году на планете не осталось ни одного клочка суши, покрытого снегом. Здешние дети не видели снега даже по телевизору – вот уже шестьдесят пять лет, как в этом мире не осталось мест, куда зима заглядывала бы хоть изредка.

Почти полвека планету колбасило со страшной силой. Границы государств кардинально перекраивались, огромные пласты народов переселялись на другие земли, в бешеном темпе строили новые города и расширяли те немногие, что сумели пережить катастрофу благополучно. Мир завис над пропастью.

Но все-таки не упал.

Одним странам повезло больше, другим меньше. Британцам, к примеру, очень посчастливилось, что эта катастрофа не грянула лет на двадцать позже – от их островов осталось всего лишь несколько огрызочков. Но в те времена они еще сохраняли значительную часть колоний, так что в конечном итоге им даже удалось извлечь из всего этого выгоду. Столицу перенесли в Канаду, туда же переехала большая часть населения. После великого потепления жизнь там стала куда приятнее, чем была когда-то. Эскимосам пришлось срочно расставаться с шубами, а у белых медведей всего за пару поколений сильно поредела шерсть – прежние меха стали бесполезным грузом.

Но судьба улыбнулась далеко не всем. Дания и Нидерланды утонули целиком – ныне потомки голландцев живут на

чужбине и время от времени ставят вопрос в ООН на выделение им территории в Антарктиде. Но там это мало кого интересует. А датчане впервые за многие десятилетия возблагодарили Одина, что у них есть Гренландия – теперь, когда этот огромный остров утратил ледяной покров, он превратился в очень ценную территорию.

Антарктиду, кстати, пришлось срочно делить – ее стоимость совершенно неожиданно возросла в сотни раз. К моему глубокому удовлетворению оказалось, что больше половины застолбил за собой Советский Союз – товарищ Сталин одним из первых сообразил, что происходит, и поспешил принять все необходимые меры. Немало помогло то, что Антарктиду открыли русские (в Британской Энциклопедии, правда, написано по-другому, но Сталин убедил лондонских ученых мужей, что в старой книге ошибка). Вторую половину Антарктиды поделили США, Британия, Аргентина, Чили и ЮАР.

Впрочем, меня в первую очередь интересовало, что стало с моей родиной. А у нее дела обстояли серединка на половинку. Европейская часть России превратилась в большой архипелаг. Азиатская пострадала меньше, но тоже очень сильно. Правда, климат, как и на всей планете, изрядно улучшился…

Советский Союз, строго говоря, перестал быть Союзом. От старой системы республик отказались, ибо их количество резко уменьшилось. Поэтому отношения с ними пришлось

полностью пересмотреть.

Среднеазиатские ССР после катастрофы пострадали сравнительно слабо, даже наоборот – кое-что выиграли. Теперь к их степям и пустыням подошел океан, а их земли превратились в Среднеазиатский полуостров. Киргизы и таджики так вовсе благословляли перемены. Хотя узбеки и туркмены с ними не согласились – их территории резко сократились. Туркмения фактически превратилась в небольшой архипелаг.

Кавказцы не пострадали совершенно – их горы море практически не тронуло. На карте появился новый полуостров – Кавказ. И этот полуостров как-то удивительно быстро забыл прежние межплеменные распри и объединился в единое государство. Тоже Кавказ. А поскольку у основной метрополии хватало и других забот, отделиться им удалось без особых затруднений. К тому же теперь граница меж Кавказом и Россией пролегает по морю, и военные действия резко осложнились. Так что сегодня грузины с армянами сидят в своих горах, любуются на отделяющее их от русских море и наслаждаются независимостью.

Почти то же самое случилось с Украиной. Западная Украина отныне стала полноправной европейской державой, ибо разместилась на новорожденном острове Европа. Западенцы даже перестали клясть ненавистных москалей – к ним в дом пришла большая радость, не до того стало. Ну а Восточная Украина превратилась в небольшой остров, и претендовать

на звание республики уже просто не могла.

А вот белорусам и прибалтийцам пришлось несладко – на месте этих республик не осталось ничего вообще. Латвия превратилась в маленький островок. Остальные республики – в соленое море. Сталин, недолго думая, приказал переселить белорусов, литовцев и эстонцев на Среднесибирское плоскогорье. Впрочем, туда многие переселились – советские граждане, лишившись прежних домов, дружно ломанулись на восток.

Нетрудно догадаться, что именно все это в конечном итоге и привело к нынешней картине – советская власть, сохранившаяся до 2016 года. Жесткая диктатура, царившая в стране, стала спасительной – страны с более мягкими режимами пережили Третий Потоп намного тяжелее, на десятки лет погрузившись в хаос и анархию. А вот большевики сумели удержать порядок – зыбкий, шаткий, но все же порядок.

Сталин в этом мире прожил аж на шесть лет дольше и скончался только в 1959. А сменил его отнюдь не Хрущев (его расстреляли еще в 1955), а Лаврентий Павлович Берия. При нем продолжалась прежняя политика, никакого разоблачения культа личности не произошло. И советская власть год от году крепчала, а не разваливалась.

В 1976 году Берия умер. И его наследник, некий Александр Важник, бывший первый секретарь Белоруссии, по-прежнему двигал страну все тем же путем. И коммунизм, как ни странно, подступал все ближе и ближе… пока и в самом

деле не наступил.

В 2001 власть в очередной раз сменилась, во главе страны встал некто Семен Саулов. Он и посейчас управляет страной, которая и в самом деле сумела построить коммунистическое общество. Уровень жизни советских граждан взлетел к невообразимым ранее высотам, и возвращаться к презренному капитализму никто не собирается. Западу не завидуют и за рубеж не рвутся – наоборот, на планете все чаще возникают коммунистические государства. В этом мире мечта коммунистов и в самом деле исполнилась. Не до конца, конечно, но в какой-то степени…

Конечно, имеются у здешнего советского строя и свои недостатки. К примеру, тот, что я уже заметил – полная монополия государства во всех отраслях промышленности. Автомобили (а также телевизоры, холодильники и большинство других видов техники) строят по единому стандарту. Само собой, никакого частного предпринимательства.

С другой стороны, Важник ввел несколько серьезных реформ – благодаря ему заводы и фабрики наконец-то стали работать так, что советская промышленность гордо заняла первое место на планете. Те, немногочисленные модели, что все-таки производятся, довели до абсолютного совершенства… и по-прежнему продолжают совершенствовать. Власти решили, что лучше иметь один автомобиль, но безупречный, чем сотню, но все с какими-то недостатками.

ЦК КПСС по-прежнему существует, но теперь этим тер-

мином обозначается обычный кабинет министров. Слово «генсек» перестало быть просто уничижительной аббревиатурой и стало нормальным словом, обозначающим руководителя Советского Союза. В Америке – президент. В Англии – король. В Союзе – генсек.

– Ну надо же… – задумчиво склонился с балкона я. – Построили коммунизм…

– А что ты так удивляешься, патрон? Социализм ничем не хуже капитализма – просто в твоем мире пошли не в ту сторону и зашли в тупик. А здесь, видишь, все-таки выбрались на свет. Режимы не бывают плохими – это люди бывают плохими. Если диктатор умный, вроде Сталина или Пиночета, такая диктатура всем только во благо. А если дурак, вроде Хрущева или Гитлера, страна летит в пропасть.

– По-твоему, Сталин был хороший? – не поверил я.

– Патрон, ну что ты как в детском саду… Хороший, плохой… Главное – умный. Сильный. И руководить умел. А остальное – это уже слезливая мелодрама.

Я неопределенно хмыкнул. В чем-то Рабан, конечно, прав – для правителя доброта и мягкость характера скорее недостатки, чем достоинства. Причем самоубийственные недостатки – глава любого государства живет, как на вулкане, и слишком кроткий на троне обычно сидит недолго…

Хотя насчет Сталина я с ним все равно не согласен. Но спорить не буду – мне еще ни разу не удавалось переспо-

рить Рабана. Он все-таки намного старше, и язык у него подвешен лучше… ну, в метафорическом смысле, конечно. У мозговых полипов керанке нет никаких органов, кроме нервно-мозгового узла, дыхательно-пищеварительного отверстия, трубчатых нитей для общения с мозгом хозяина и энтодермы, которая все это обволакивает.

Питательные вещества он получает одновременно со мной, а кислород черпает из моего же мозга. Я-то сам не дышу, но небольшая толика воздуха внутрь меня все-таки попадает. Рабан даже вырастил себе небольшой «акваланг» с колонией хлорофильных бактерий – порой мне случается попадать в безвоздушное пространство, а моему симбионту отнюдь не хочется задыхаться.

– А это, значит, Москва… – окинул взглядом панораму я. – Красиво… Красная площадь, я так понимаю, утонула?

– Правильно понимаешь. Но Кремль отстроили заново. А Мавзолей со всем содержимым перенесли – еще в сорок седьмом. Там рядом еще три Мавзолея стоит…

– Чьи?..

– Как чьи? Сталина, Берии и Важника. Это ж не коммунальная квартира – кучей лежать. Сейчас уже пятый достраивают – для Саулова.

– Прямо фараоны… – хмыкнул я.

– Ну как что, так сразу фараоны! – почему-то возмутился Рабан. – Да все так делали! Тадж-Махал – что, по-твоему, такое? Мавзолей! Да еще не для самого раджи, а только для

его жены! Вы, люди, прямо некрофилы какие-то – хлебом не корми, дай покойника на обозрение выставить! На кладбища землю тратите, на крематории дрова… Зачем-то.

– А что же с мертвыми-то делать?

– Как что? На удобрения! И всем выгода! Покойничку приятно после смерти в цветочки превратиться, и живым приятно – на мертвечинке урожаи хорошие…

– Угу. В Лэнге видали.

– В Лэнге не в счет – это Темный мир, там ничего хорошего не вырастет. А вот ты думаешь, почему на кладбищах всегда цветы так здорово растут?

– Все, заткнись! – раздраженно оборвал его я. – Надоел со своими теориями. Несешь какую-то хрень…

Дерганый я становлюсь от такой жизни, раздражительный. А кто бы не стал? Демоническая кровь сказывается… Да и Лаларту, опять же, все время подражать нужно… Альтер-эго. А нервные клетки не восстанавливаются…

– Опять ерунда! – не удержался Рабан. – Нейроны не отмирают, патрон, это все фуфло! Их и не нужно восстанавливать! Нервные клетки отлично регенерируют, разрастаются и даже делятся. В гиппокампе… ну, это отдел мозга, который отвечает за память и еще за всякую ерунду, есть клетки, которые делятся всю жизнь. Так что ты этой поговорке не верь – человеческий мозг может жить вечно. Это тело стареет, кровь портится, и нейроны в мозгу как бы «засыпают». Отсюда склероз, маразм и впадение в детство. А вот если те-

ло омолодить, мозг сам восстановится.

– Угу. Ты-то откуда все это знаешь?

– Патрон, кто я, по-твоему, такой? – обиделся мой симбионт. – Я керанке! Мозговой полип! Я всю жизнь просидел в человеческом мозге! Я тут все знаю!

– О, смотри-ка, менты приехали… – заинтересовался я творящимся внизу. – Быстро работают – и трех часов не прошло, а они уже отреагировали…

– Патрон, это ты иронизируешь, или правда думаешь, что это быстро? – не понял Рабан. Он не всегда понимает мои шутки.

Я ничего не ответил – не до того стало. Совершенно неожиданно мне в глаза ударил луч мощного прожектора. Такого мощного, что я отшатнулся, непроизвольно распахивая крылья. Верхние руки метнулись к глазам, прикрывая их от световой атаки. Отсутствие век зачастую становится настоящей проблемой…

– ТОВАРИЩ ПРИШЕЛЕЦ! – прозвучал снизу голос, усиленный в десятки раз милицейским мегафоном. Довольно дружелюбный голос. – ТОВАРИЩ ПРИШЕЛЕЦ, СПУСКАЙТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА! БУДЕМ УСТАНАВЛИВАТЬ С ВАМИ КОНТАКТ!

Глава 5

На миг я замер. В стенки черепа (в переносном смысле – черепа у меня нет) упорно стучались два вопроса – как они меня нашли и почему не стреляют? Обычно всегда первым делом стреляют, а уж потом начинают общаться. Нет, иногда общение начинается и пораньше, но оно, как правило, ограничивается одной-двумя простейшими фразами вроде «Стоять, падла!».

Обидно, конечно, но неудивительно.

– Рабан? – растерянно обратился за советом я.

– А чего я-то все время? – заворчал проклятый керанке, явно уходя от ответственности. – Думай сам.

Прожектор выключили. Я осторожно выглянул наружу – таиться дальше не имело смысла. Там стояли четыре машины почти той же модели, что и все остальные, но чуть покрупнее, с вытянутыми крыльями, придающими авто сходство с катером, и окрашенные в синий цвет. На крыше не только антенны, но и мигалки – точно такие же, что и на моей Земле-2006.

– МЫ РАДЫ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ВАС НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ! – заорал пузатый мент с погонами подполковника.

Одновременно с воплями в мегафон он напряженно изучал какую-то книжечку. Несмотря на большое расстояние, я

без труда смог прочесть мелкий текст – похоже, что-то вроде пособия по установлению контактов с инопланетянами. Но судя по тому, что я узнал от Рабана, таковых в этом мире пока что не случалось…

Да, начинаю уважать здешние власти – в предусмотрительности им не откажешь.

Мне вдруг стало интересно. За пришельца меня уже принимали, и неоднократно, но контакт устанавливают впервые. И мне захотелось узнать – а как же это будет выглядеть? А то слышать про такие контакты я слышал, но вот видеть, а тем более участвовать… Да еще в качестве пришельца.

Приняв такое решение, я с легкостью перемахнул через перила, распахнул крылья и мягко спланировал вниз. Отдаю должное здешней милиции – никто не убежал. Побледнели слегка, к пистолетам кое-кто потянулся, но стояли прочно, как скалистые утесы.

Зеваки отреагировали более бурно. Но в целом советские граждане этого мира оказались морально устойчивыми – паники не поднялось, никто не кричал и не удирал. Просто показывали на меня пальцами, перешептывались и строили предположения, что сейчас будет. Некоторые фотографировали, один дядька снимал на видеокамеру. Странная какая-то камера – громоздкая, примитивная. Похоже, в этой отрасли технологий они от нас отстают.

Пролетев пятьдесят метров, отделяющих шестнадцатый этаж от земли, я приземлился на свободном пятачке, оста-

вив глубокие царапины в асфальте. Обернувшись к милиции, развел руки, свернул хвост улиткой и попытался обезоруживающе улыбнуться.

Получился жуткий оскал.

– ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩ ПРИШЕЛЕЦ! – заревел в мегафон толстый подполковник. Потом смущенно кашлянул, сообразив, что повышать голос уже не нужно, и передал мегафон подчиненным. – Здравствуйте, товарищ пришелец! Мы рады приветствовать вас на нашей планете! Я подполковник советской милиции Шиханов! От лица всего советского народа категорически приветствую вас на нашей планете! Вся советская милиция рада видеть вас на нашей планете! Весь советский народ приветствует ваше появление! Будучи подполковником советской милиции, я представляю здесь весь советский народ и от его лица приветствую вас на нашей планете!

Я терпеливо слушал. Похоже, подполковник не мог похвастаться богатым словарным запасом – сплошные тавтологии. Фактически, он просто повторял одни и те же фразы, слегка меняя формулировку.

В конце концов, это дошло и до него самого. Он снова смущенно кашлянул, явственно покраснел и пробормотал что-то насчет того, что дальнейший разговор мы продолжим в более подходящих условиях, если, конечно, товарищ пришелец не возражает.

– А можно будет потом город посмотреть? – поднял две

правых руки я. Контакт контактом, но у меня все-таки задание. – Достопримечательности всякие, музеи там…

– Разумеется! – просиял подполковник, счастливый, что его вывели из порочного круга приветствия. – Мы вам такую экскурсию устроим – закачаетесь! Пожалуйте в машину, товарищ пришелец.

Загружаясь в авто, я думал, что мне положительно нравятся местные жители. Если, конечно, это не западня. Но даже если и так – все равно нравятся. Еще никогда меня не заманивали в западню так гостеприимно и уважительно.

Меня усадили на заднее сиденье, а по бокам пристроили двух угрюмых сержантов с широченными плечами. Втроем нам было жутко тесно, к тому же мои визави непроизвольно старались отодвинуться подальше.

Хотя получалось плохо – им и вдвоем здесь было бы тесно.

– А куда мы едем? – через некоторое время спросил я. Что творилось за окнами, я не видел – слишком плотно меня облепили со всех сторон.

– Ну, в ГУМ сначала, а там как распорядятся… – задумчиво ответил подполковник Шуханов.

– В ГУМ?.. Зачем?

– По инструкции положено.

– Патрон, в этом мире ГУМ – это Главное Управление Милиции, а не магазин, – перевел мне Рабан.

– Вы не волнуйтесь, товарищ пришелец! – обернулся с

переднего сиденья подполковник. – Сделаем все в лучшем виде! Надо же по правилам все, правильно? По распорядку, по утвержденному свыше декламара… ну, неважно. Сначала мы вас в ГУМ доставим, потом за вами гебисты приедут, проверят вас как следует… Ну а потом можно и в Кремль – прямо к товарищу Саулову! Надо же сначала убедиться, что вы благонадежны, правильно?

– Угу.

– А вы к нам как – надолго? В составе дипломатической миссии или сами по себе? Когда ожидать остальных товарищей из-за рубежа?.. то есть, из… а вы откуда, кстати?

Ответить я уже не успел – кортеж затормозил у невзрачного четырехэтажного здания. Меня предельно вежливо попросили покинуть авто и пройти внутрь. Нет, мне тут положительно нравится – никто не угрожает, убить не пытаются, страха не проявляют. То ли им тут каждый день демоны на голову сваливаются, то ли партия просто приучила народ сохранять спокойствие в любых ситуациях.

Я однажды был на Петровке, 38. Ночью, правда. На Земле-2016 эта улица ушла под воду, но ГУМ (ул. Кутузова, 115) внутри оказался почти таким же – похоже, строили по старым чертежам.

На меня, разумеется, смотрели с любопытством. По-моему, собрались все, кто был в здании – сомневаюсь, что в обычное время тут так многолюдно. Но страха в глазах я не заметил – доблестная советская милиция не боялась даже са-

мого черта… впрочем, я почти он и есть. Архидемоны Лэнга ничем не уступают Князьям Тьмы Ада.

Подполковник Шиханов утратил ко мне интерес почти сразу же. Он привел меня в какой-то кабинет, попросил присутствующих там товарищей за мной приглядеть, а сам отправился держать ответ перед начальством. А я остался в просторной комнате, доверху заполненной бумажными папками и милиционерами. Восемь человек разного возраста и звания.

Хотя бумаги еще больше. На каждом столе громоздятся небоскребы из папок. Под столами – тоже. Вдоль стен выстроились шеренги из стоп застарелой макулатуры. А возле подоконника вообще творится что-то несусветное – по меньшей мере шесть кубометров бумаги. Эта груда даже слегка шевелится, как будто в ее недрах зарождается собственная жизнь.

Первое время на меня все пялились, не решаясь раскрыть рта. Дверь то и дело приоткрывалась, и в нее просовывались заинтересованные лица. Но постепенно ко мне попривыкли, и все вернулось в прежнюю колею.

Я же начал чувствовать себя неловко. Не знал, куда девать крылья, поминутно переплетал руки, смущенно старался спрятать хвост, теребил брюки. Порадовался, что не расхаживаю голышом – среди работников милиции присутствовали женщины.

– Товарищ пришелец, а можно спросить? – прощебетала

молоденькая лейтенантша, уже буквально проерзавшая сиденье насквозь. – А как вас зовут?

Ее вопрос прорвал плотину – на меня стремительно навалились с вопросами. Пожилой майор, оставшийся за старшего, тщетно пытался урезонить молодежь, но внимания не него обращали не больше, чем на радио, которое тоже что-то тихонько бормотало в углу.

– Товарищ пришелец, а вы с какой планеты? С Альдебарана, да? – не отставала девушка.

– Ага, точно! – хрюкнул плотно сбитый капитан. – Альдебаран – планета мудаков!

– В каком смысле? – озадачился я. Почему меня все называют мудаком? Чего-то я тут не понимаю…

– Тихо вы! – повысил голос майор. – Оставьте товарища в покое! Это наш инопланетный гость!

– Ну дядя Паша… – заныла девушка.

– Я тебе, товарищ лейтенант, не дядя!

– Ну, Павел Валентинович…

– Я тебе товарищ майор! – нахмурился строгий милиционер. – Вы, товарищ пришелец, не стесняйтесь, если чего нужно – говорите сразу. Вот сейчас придут анкетные данные с вас снимать, потом товарищи из главка приедут… Может, чайку? С сухариками?

– Можно, – не стал чиниться я. Пожрать я никогда не отказываюсь.

Мне налили чашку чая и вручили сухарик. Потом, поди-

вившись тому, с какой скоростью я это смолотил, выдали сразу пакет сухарей. А молодая лейтенантша и другая тетя, постарше, устроили настоящий конвейер чаеподачи – чашка за чашкой, чашка за чашкой… Один парень побежал в буфет – взять для меня еще какого-нибудь перекуса.

– Кому тут анкетку надо заполнить? – пролез в комнату сморщенный старичок в штатском. В руках он держал толстенную папку. – Ох, товарищ, да вы, видать, байкалец, а? Охо-хо, это ж надо так поуродоваться…

Я задумался. Байкальцем меня сегодня тоже называли. Снова чего-то не понимаю. Ну какая может быть связь между мной и Байкалом?

Деду быстренько объяснили, что я не байкалец, а пришелец… кстати, с чего они это взяли? Я пока что ни словом не подтвердил свое инопланетное происхождение…

– Так, так, так… – закряхтел дедуля, бесцеремонно сбрасывая со стола сваленные бумаги. – Ну что ж, приступим, товарищи. Господи, благослови…

– Бога нет, – автоматически поправила его девушка. – Михаил Илларионович, это в вас старая закваска играет.

– А и пусть играет, – равнодушно отмахнулся дед. – Ты, Леночка, до моих лет доживешь, тоже задумаешься… Вот вы, товарищ пришелец, будем говорить, в бога верите?

– Михаил Илларионович, такого вопроса в анкете не предусмотрено! – поспешил заметить майор.

– Ох-хо-хо, уж и поинтересоваться не моги… – укориз-

ненно покачал головой старичок. – Ваше полное ФИО?

– Олег Анатольевич Бритва, – представился я.

Старичок невозмутимо записал. Морщинистое лицо старой черепахи осталось спокойным. А вот все остальные уставились на меня с максимальным недоумением. Ну еще бы – инопланетянин, и вдруг с таким простым русским именем. Вот если б меня звали как-нибудь вроде Уулоцр, это показалось бы нормальным.

– Твою мать! – выразил общие чувства рослый молодцеватый лейтенант. – Что, все-таки байкалец?

– Объяснит мне кто-нибудь, при чем тут Байкал?! – взорвался я. Но тут же взял себя в руки и уже спокойно продолжил: – Товарищи, а чем вас так удивляет мое имя? Я могу и паспорт предъявить… только он в других брюках остался.

Да, точно. В тех, в которых похоронили мое прежнее тело. Фигурально выражаясь, конечно – ни черта меня не похоронили, а разобрали на органы. А что с паспортом стало, даже предполагать не берусь. Все равно он теперь недействителен – фотография-то там другая…

– Ты, патрон, все-таки дурной, – с явным чувством превосходства сообщил Рабан. – Далеко тебе до Волдреса. Ну ты что – фальшивое имя придумать не можешь?

Мне быстро объяснили, при чем здесь Байкал. Оказывается, тридцать пять лет назад в этом мире произошел взрыв Байкальской АЭС, расположенной неподалеку от Иркутска. В нашем мире такой АЭС не существует – здесь ее построи-

ли в середине семидесятых, по указанию одряхлевшего Берии. Она просуществовала всего пять лет, а потом… Катастрофа была почище Чернобыля (кстати, Чернобыльская станция в этом мире как раз отсутствует).

Я спросил, при чем же тут я. Мне терпеливо разъяснили, что из-за повышенного радиоактивного фона в тех краях до сих пор ненормально часто рождаются дети-уроды – сиамские близнецы, двухголовые, горбатые, хвостатые, с дополнительными конечностями. До такой степени, как у меня, пока не доходило, но встречаются и четырехрукие, и с третьим глазом во лбу, и даже один крылатый. Правда, крылья были рудиментарные, летать тот парень не мог. В прошедшем времени – он умер еще в молодости.

Я посочувствовал жертвам безжалостного атома и заверил милицию, что никоим образом к ним не отношусь. Да они особо и не сомневались – на инвалида я никак не тяну. Урод, монстр, но не инвалид. Скорее уж наоборот – это люди рядом со мной кажутся калеками. Хилые, медлительные, неловкие, подслеповатые, летать не умеют…

– Здрасьте, товарищ майор! – просунулась в дверь еще одна голова. – Вам просили передать, что за инопланетянином… ой, простите, я вас не заметила!.. уже выехали! Аж сам полковник Щученко едет!

– Только этого не хватало… – обтер пот со лба майор. – Нет, ну только этого не хватало! Как нарочно!

Судя по грустным лицам подчиненных, скорому появле-

нию полковника Щученко никто особо не обрадовался. Я снова озадачился. А потом уже привычно скользнул Направлением к шкафу с секретными досье на сотрудников и начал мысленно пролистывать страницы. В моей работе это чувство не просто полезно – бесценно! Да разве стал бы Штирлиц взламывать сейф Мюллера, если бы мог просто просмотреть все бумаги на расстоянии?

На Щученко я нашел досье далеко не сразу. Собственно, его тут и не могло быть – он служит не в МУРе, а в КГБ. Но кое-какую информацию все-таки разыскал – как-никак, милиция тоже не лыком шита, тоже потихоньку приглядывает за «коллегами» из госбезопасности.

Продолжая автоматически отвечать на вопросы анкеты (большую часть ответов брал с потолка – ну не рассказывать же им, кто я такой на самом деле?), я одновременно просматривал информацию о Щученко. Интересный оказался кадр…

Ефим Макарович Щученко, пятьдесят два года, на хорошем счету. Национальность… гремучая смесь. На четверть русский, на четверть татарин, на четверть украинец, на одну восьмую белорус, на одну восьмую еврей. Это же надо перемешать столько народов в одном человеке! Ярый патриот своей родины, правящей партии и ее лидеров. Коммунист до мозга костей.

Характер не самый приятный. Абсолютно туп и ограничен, непрошибаем, как бетонная стена, въедлив, занудлив,

придирчив, подозрителен. Чувство юмора отсутствует напрочь, хотя сам искренне верит в обратное. Даже смеется не как все, а этаким странным «ху-ху-ху». При этом явно проглатывает еще одну букву, заключительную.

– С дороги, мурзики, КГБ идеть! – с треском распахнулась дверь. – Ну шо, де здесь у вас, значить, пришелец?

Да, это, конечно, и есть тот самый Щученко. Ефим Макарович отличался низким ростом, но весьма плотным телосложением. Хотя не из-за жира, а из-за необычайно широких костей. Лицо красное, как будто только что из парной, глаза навыкате, полностью лишенные признаков мысли, нос толстый, мясистый, губы пухлые, на верхней красуются вислые усы. Одет в брюки и пиджак, застегнутый на все пуговицы, ослепительная плешь прикрыта наполовину сползшим платком – красным в белый горошек. Странный выговор – украинское «г/х», вологодское оканье, аристократичный рязанский прононс и непременное смягчение «т» в конце слова.

– Повторяю непонятый с первого разу вопрос, – терпеливо сказал Щученко. – Де здесь присутствуеть пришелец с другой, значить, планеты?

– Ну, я пришелец, – робко поднял руку я, поняв, что никто другой за меня не ответит. – А что, сразу не видно?

– Вы, товарищ, с темы не сходите, не надо здесь этого, значить, беспорядку, – строго погрозил мне пальцем Щученко, раскрывая пухлый портфель, набитый так плотно, что несколько бумажных листов, лежавших сверху, тут же вы-

скочили наружу. – Щас мы с вами разберемся, хто вы, значить, есть такой, и шо мы с вами будем робыть!

Я зачарованно уставился на этот его портфель. Оттуда стремительно появлялись самые разнообразные предметы: огромные счеты, почти такого же размера бутерброд с ливерной колбасой, завернутый в вощеную бумагу, термос, тяжеленный пистолет неизвестной конструкции, пачка документов, уголовный кодекс, значок с портретом Ленина, кусачки, штопор, газета «Правда» от 9 июня 2011 года, красный платок размером с небольшую простыню, стопка писчей бумаги, чернильница, дырокол, древний будильник, полевой бинокль, бумажный пакет с хурмой, пачка сигарет «Ташкент», Малая Советская Энциклопедия, издание 2014 года, том 38, от «Ма» до «Мн», циркуль, линейка, граненый стакан, маленький глобус, свинья-копилка, связка ключей, моток лески, противогаз, огурец, гаечный ключ, мраморный бюстик Берии, аптечка и даже ручная граната. Под конец он выудил из порядком исхудавшего портфеля то, что, собственно, и искал – листок с какой-то инструкцией и футляр с очками. Очки оказались ему малы – похоже, их рассчитывали на более тонкий нос и менее широкое лицо.

Пока Щученко привязывал дужки к ушам леской и медленно, едва ли не по слогам, читал инструкцию, я спросил Рабана:

«А почему тут все по старинке? Где компьютеры?»

– Остались в твоем мире, – хихикнул керанке. – Здесь пер-

сональных ЭВМ пока еще нет – до сих пор считают на шкафах с перфокартой. Сам понимаешь, такую катастрофу пережили! Наука немного другим путем пошла. Вон, водородный двигатель придумали – у вас такой еще не скоро появится. А тут уже лет пятнадцать, как на водород перешли.

– Значить, це у вас и называють анкетированием? – брезгливо взял мою анкету двумя пальцами Щученко.

– Да, – вежливо ответил Михаил Илларионович. – А у вас это как называют, товарищ полковник?

– У нас це называють ху… дожественно некачественной работой. А ну, мурзики, дайте место, де, значить, КГБ сидеть будеть.

– Мы… – открыл было рот майор.

– И не надо мне здесь, значить, попусту пиз… дельничать. Выполняйте свою, значить, работу качественно и в срок, це все, шо от вас требуеть партия.

Щученко решительно уселся за стол, придвинул к себе пистолет, уголовный кодекс и зачем-то бинокль, важно обтер платком лысину и уставился на меня немигающим взглядом обкуренной гадюки.

– Значить, товарищ Бритва… – задумался он, просматривая мою анкету. – Будем, значить, решать вашу проблему самым беспристрастным образом…

– Правда? – усомнился я.

– Посмотрите мне в глаза, товарищ Бритва, – попросил Щученко. – Скажите, разве эти глаза могуть обманывать?

Я посмотрел в его маленькие поросячьи глазки и не нашел, что ответить.

– Ху-ху-ху! – неожиданно рассмеялся полковник. – Шутка! Конечно, могуть! Эй, хто там наличествует в наличии, подкрутите мне радио, шоб лучше слышно було! Шо там про их клятую пизанщину передают?

– В городе Пизе прошел французско-итальянский фестиваль народного творчества, – добродушно ответил диктор новостей из динамика. – Художники и скульпторы ФДР и ИДР представили на суд критиков свои творения. Первое место было единодушно отдано реалистической скульптуре «Сталевар».

– О, наш Митька выиграл! Ху-ху-ху! – радостно затрубил Щученко. – Это радоваеть глаз и веселить… глаз! Но уже другой! Ху-ху-ху!

– Это он про Дмитрия Серова, – устало пояснил мне майор. – Лучший наш скульптор. Будете на проспекте Ленина, обратите внимание – его работы памятник.

– Так фестиваль же французско-итальянский? – удивился я. – Откуда там русский?

– А что такое? – насторожился майор. – Вы что-то имеете против? Серов – гордость страны, товарищ пришелец, партийный, между прочим.

– А у вас на планете скульптура есть? – спросила лейтенантша Лена.

– О, промежду прочим упоминая! – отвлекся от радио

Щученко. – А де, значить, доказательства, шо перед нами всамделишный пришелец с другой планеты? С Марсу там, с Альдебарану, с Большой Медведицы на худой конец? Паспорть свой инопланетный предъявите, значить! Або еще какой документ, мы не бюрократы, нам все подойдеть. Комсомольский билеть там, або карточка медицинская на худой конец…

Я открыл рот, чтобы ответить, но Щученко снова крутанул ручку радио, резко прибавляя звук.

– О, о!.. – обрадовался он, услышав очередную новость.

– Над Канадой потерпел аварию американский авиалайнер, следовавший маршрутом Денвер – Грантсвилль, – печально сообщил диктор. – По уточняющимся сейчас данным, погибло больше двухсот американских граждан.

– От так-то! – радостно потер потные руки полковник. – Получили, буржуи клятые? Так вам и надо, за все ваши лютые злодеяния! Це я красиво завернул, а?

– Также на борту самолета находились два советских гражданина, – продолжил диктор.

Лицо полковника разом превратилось в мраморную маску.

– От клятые буржуи… – прошептал он. – Двухсоть смертников не пожалели, шоб, значить, пару наших храбрых товарищей угробить… Ненавижу! Капиталисты поганые!

«Насчет отсутствия мозгов досье не преувеличивало», – мрачно подумал я.

– Ясное дело, – согласился Рабан. – Я вот сколько знаю полковников КГБ – все тупые бараны. Профессия обязывает.

«А сколько ты их знаешь?»

– Ну-у-у… Считая этого?

«Угу».

– Тогда одного.

– Товарищ Бритва, а почему я до сих пор не имею перед глазами ваших документов? – нахмурился Щученко. – Вы мне здесь не волыньте! Я вас живо отправлю в жо… сткий плацкартный вагон!

– Ну нету у меня документов! Нету! – для наглядности я вывернул карманы. – Я с планеты… эм-хм…

– Альдебаран! – подсказала лейтенантша.

– Кин-Дза-Дза, – сухо поправил ее Михаил Илларионович.

Действительно, «родную планету» я назвал в анкете именно так. Ну а что? Такого фильма в этом мире нету, никто ничего не заподозрит. К тому же звучит по-инопланетному, и запомнить нетрудно… как мне казалось. Но все-таки – чего они так привязались к Альдебарану?

– Точно, Кин-Дза-Дза, – попытался кивнуть я. Я уже больше года яцхен, но до сих пор иногда еще пытаюсь двигать отсутствующей шеей. – У нас там документов не бывает.

– Непорядок! – обтер лысину платком Щученко. – Вернетесь домой, передайте, значить, шоб непременно завели, а

потом уж туристов в Советский, значить, Союз посылали.

– Угу. Обязательно передам.

– А если у вас документов, значить, нету, как же я убедюсь, шо вы есть настоящий инопланетянин? Есть у вас какие-нибудь доказательства?

– Это уже становится интересным… – хмыкнул я. – Сейчас, подождите, подумаю… А, ну да – у меня шесть рук! Убедительно?

– Ху-ху-ху! Ху-ху-ху! Товарищ Бритва, да шо вы, значить, мне мóзги тальком посыпаете? В нашей советской Конституции не сказано, шо человеку запрещено иметь шесть рук! Да я вам прямо щас позвоню в Дом Инвалидов, будет здесь куча и одноруких, и безруких, и шо хошь!

– Вы мне кого-то ужасно напоминаете, полковник… – задумчиво посмотрел на него я. – Ну хорошо, а крылья?

– Ой, да шо вы мне опять мóзги тальком порошите? Да я вот прямо щас пойду, да тоже крылья напялю! Маскарадный, значить, костюм!

– Да, но я умею летать!

– Ху-ху-ху! Да я тоже! Вот сейчас пойду в аеропорть, сяду на самолеть, да полечу, як птичка певчая! Соловей, значить!

– А если без самолета?

– А можно и без самолета! – покладисто согласился Щученко. – Сяду, значить, в вертолеть, и ху… же, заметьте, не будеть! Ху… до доказываете свою принадлежность к инопланетному пролетариату, товарищ Бритва!

– Нет, а если вообще без техники? – настаивал я. – Сами по себе сможете?

– А вы, значить, смогете, если мы у вас крылья оторвем? – ответил вопросом на вопрос полковник. – Давайте, значить, отрежем вам крылья, да мне прикрепим хорошим советским клеем «Момент»! И я в момент взлечу! Ху-ху-ху! Це я красиво завернул, а?

– Угу. Красиво. А если я вот прямо перед вами возьму и исчезну? Растворюсь в воздухе? Что вы на это скажете?

– Шо вас надо срочно определить в помощники товарищу, значить, Акопяну. А еще – шо вас надо арестовать за самовольный побег из-под задержания.

– А я что – задержан?

– А вот это мы сейчас, значить, и выясняем! – развел руками Щученко. – Вы доказательства предъявите, шо вы, значить, пришелец!

– И какие? Ну вот скажите, какие доказательства вас устроят?

– Паспорть! Шоб, значить, черным по бумаге было написано, шо товарищ Олег Бритва имееть национальность «инопланетянин». А иначе… – он захрюкал и начал постукивать по рукояти пистолета. – По законам, значить, военного времени…

– Так сейчас же вроде не война… – рискнул вставить словечко майор.

– А вас, товарищ Пукин, никто, значить, не спрашивает.

– Лукин! – раздраженно поправил майор. Но больше ничего не сказал.

– А вот, значить, вам, товарищ Бритва, другой вопрос, – задумался Щученко. – Вы кем же будете по, значить, классовому строю? Пролетариать? Или, може, буржуазия?

– Коренной пролетарий, – быстро ответил я. – Рабочий класс.

– А мозоля-то на руках покажьте! – в голос заорал полковник, хватая меня за руку. – Ишь, ручки-то мяконькие… хотя не очень… да уж, не очень, це я еще, значить, недосказал…

Я спокойно смотрел, как он дотошно проверяет все мои ладони, пытаясь отыскать хоть один мягкий участок. Пусть ищет – кожа у меня хитиновая, играет роль экзоскелета. Такую кожу даже автоматной очередью пробить нелегко.

– Да, мозоля есть… – неохотно признал Щученко. – Сплошные мозоля со всех, значить, сторон… Только сомнения никуда не пропали, здесь они, здеся… Ху… рмы не хотите, товарищ Бритва?

– Не откажусь, – протянул руку я.

– А вот вам ху… рмы мы не дадим! – бешено заорал полковник, торопливо пряча пакет в портфель. – Советский народ, значить, трудился, растил ее, молол, выпекал, а вы, значить, приперлись на готовенькое?! Привыкли, значить, в шесть рук народное достояние грабить?! Не дадим, значить, инопланетным капиталистам жрать нашу хурму и прочие хлебобулочные изделия!

– Хурма – это фрукт, – спокойно сообщил я.

– Я знаю, – ничуть не смутился Щученко. – Це я, значить, вас проверял. А вы проверку-то, значить, и не выдержали! Откуда вы, товарищ Бритва, знаете, шо такое наша хурма?! Шпион?!

– Разведчик! – обиделся я.

– А воть с этого места попрошу, значить, поподробнее, – оживился Щученко, придвигая к себе чистый лист бумаги, чернильницу и авторучку. – На какую разведку работаете?

На миг я задумался, за каким хреном ему понадобилась чернильница… но в следующий момент полковник невозмутимо обмакнул в чернила шариковую ручку, даже не снимая колпачка, и начал писать. По-моему, от такого зрелища челюсть упала под стол не только у меня, но и у всей милиции.

– Скажите, товарищ полковник, – облокотился на стол четырьмя локтями я, – а вас не смущает то, что вы вот так запросто допрашиваете… не совсем обычное существо?

– Нисколько, – не отрывая глаз от бумаги, ответил Щученко. – Мы, значить, не расисты, на внешность не смотрим. У нас к усем равное, значить, отношение. Главное – шоб ты был коммунисть и трудящийся! А дальше разберемся.

С этими словами он отдал пакет с хурмой майору Лукину. Майор по честному разделил фрукты между всеми присутствующими. А сердобольная лейтенантша Лена незаметно сунула одну штуку и мне, пока Щученко чесал ручкой затылок, размышляя, как правильно пишется «полковник». В

конце концов он вспомнил однокоренное слово «палка», написал «палковник» и расплылся в широченной улыбке, довольный своей грамотностью.

– Вот вы, товарищ Бритва, только жрать и могете, – неодобрительно покосился на меня Щученко, все-таки заметивший несанкционированное кормление меня хурмой. – А еще на шо-нибудь вы, значить, способны?

Я на миг задумался, а потом взял у него циркуль и разрезал его на кусочки, аккуратно выпустив один из когтей. Показал, значить, на шо еще я способен.

– О-па! Порча казенного, значить, имущества! – обрадовался полковник. – Вредительство! Пять леть, считайте, уже заработали! А то и все десять – как, значить, суд решить! Наш советский суд – самый гуманный и справедливый суд в мире. Усех расстреливають!

По-моему, милиции было очень стыдно за своего в некоторой степени коллегу. Я уже несколько раз ловил на себе виноватые взгляды. Ну как же – гость из-за, мягко говоря, далекого рубежа, а с ним так обращаются! Лейтенантша Лена вообще бормотала что-то насчет того, что у меня надо не документы проверять, а в Академию Наук отправить. А то и вовсе на личную встречу с товарищем Сауловым. Контакт с инопланетной цивилизацией и все такое…

– Ну се, товарищ Бритва, попали вы, значить, в передрягу, – крутанул кончик уса Щученко. – Лучше сразу во всем признавайтесь, а то, значить, буду бить вас хрустальным гра-

фином… ох ты, да я же его вчера разбил об товарища Лобачева! Ну, тогда термосом – он, значить, мало отличается. Особенно если наполнить чем-нибудь потяжельше… да вот хоть водичкой холодной. Побью вас некоторое время, упарюсь, употею, а туть, значить, как раз и водичка под рукой, шоб освежиться! Це я удачно придумал, а?

– Штирлиц ударил Мюллера графином по лысине. Мюллер в целях конспирации сделал вид, что ничего не заметил, – хмыкнул я.

– А це шо еще за люди с нерусскими именами? – насторожился Щученко, тут же хватая новый лист и испуганно обтирая собственную запотевшую лысину. – Сообщники? Подробности, значить, попрошу!

– Штирлиц – это штандартенфюрер СС, – покровительственно ответил я.

– Ага! – торжествующе указал на меня ручкой полковник. – Фашисть! Ну ты смотри, яка фашистска сволочь здесь под инопланетное существо, значить, маскируется! А я-то, невнимательный полковник КГБ, чуть было не проявил непростительную близорукость, не заметив проклятую гидру, сохранившуюся с таких, значить, далеких прошлых времен! Наручники мне сюда!

Сопротивляться я не стал. Полковник лично застегнул на мне наручники и радостно захрюкал. Я посмотрел на эти браслеты и подумал, что в случае надобности разрежу их на ленточки. К тому же Щученко как-то упустил из виду, что

шестирукому существу нужно три пары наручников. В результате я утратил свободу действий лишь отчасти – ровно на треть.

– Товарищ полковник, вас к телефону! – позвали из-за двери крайне испуганным голосом. – САМ!

До этого момента я считал свою реакцию феноменальной. Увидев, как полковник Щученко в одно мгновение переместился в соседний кабинет, я переменил свое мнение. Кто бы ни был звонивший ему, заставлять его ждать Щученко явно не хотел.

Чуть напрягши слух, я без особого труда услышал большую часть разговора. И расслабился – звонил Семен Семенович Саулов, генеральный секретарь ЦК КПСС. Генсек. Ему уже успели доложить о необычайном событии, и его эта новость крайне заинтересовала. Он поздравил Ефима Макаровича с тем, что именно ему досталась такая честь – установить первый в истории человечества контакт с представителем иной цивилизации, и предложил завтра с утречка доставить гостя в Кремль, на встречу с ответственными товарищами. Ну а сегодня пусть отдохнет с дороги – устал, чай, после перелета.

Полковнику он приказал попробовать невзначай выяснить, на чем данный пришелец прибыл на Землю, с какой целью, нельзя ли установить дипломатические отношения с его родной планетой… Ну и все в таком духе. Но главное – выполнять все мои прихоти и заменять родную мать. И ни в

коем случае не раздувать сенсацию – пусть знает, что Союз тоже не лыком шит, и не такое повидал.

В конце концов Саулов шутливо пообещал Щученко три звезды, если пришелец останется доволен обслуживанием – одну на грудь и еще по одной на погоны. Ну а если останется недоволен… тогда только одну. Ту, что высекают на надгробных плитах.

Когда Щученко снова вошел в кабинет, он смотрел на меня уже совершенно иначе. Как добрая бабушка на горячо любимого внука. Заметив, что на мне по-прежнему наручники, тут же заохал и сорвал их чуть ли не зубами. Потом самолично сбегал в буфет и принес мне стопку шоколадок «Октябрь», целый поднос заварных пирожных, две связки бананов, манго, пакет томатного сока, бутылку лимонада «Байкал» и запотевший хрустальный графин с водкой. Все за свой счет.

Манго вызвало у меня ностальгию по старым временам. Помню, в далеких семидесятых, когда я был голопузым мальчишкой всего-навсего с двумя руками, меня очень притягивали эти удивительные названия – киви, манго, кокосы, авокадо… Казалось, что это нечто диковинное, недостижимое, с небесным вкусом… Простому советскому гражданину попробовать такие фрукты было практически невозможно.

А потом, когда я все-таки отведал все эти загадочные плоды, пришло горькое разочарование. Самые обычные фрукты, ничуть не лучше простых яблок или слив.

И ничего чудесного…

– Товарищ Бритва, а воть не угодно ли?.. Товарищ Бритва, а можеть, сигарету?.. Товарищ Бритва, а радио вам не включить?.. – вертелся вокруг меня Щученко, пока я грустно грыз манго. – Товарищ Бритва, а шо вам еще подать?

Поняв, что ветер переменился, я с удовольствием выкурил пачку сигарет (точнее, просто сожрал – курить по-настоящему у меня не получается за отсутствием легких), наелся разных вкусностей, а потом как бы между прочим поинтересовался, нельзя ли посетить знаменитый на весь Млечный Путь Политехнический музей?

– А воть и… можно! – обтер платком лысину Щученко.

Потел он так обильно, как будто в комнате царила нестерпимая духота. На самом же деле тут довольно прохладно. Конечно, сам я этого не ощущаю, но Направление кроме всего прочего подсказывает и температуру воздуха. Немного ниже комнатной: +19 по Цельсию.

– Товарищи, а вы мне машину с шóфером не одолжите, а? – уже совсем не так заносчиво, как час назад, попросил Щученко. – Я-то свою, значить, отпустил, такая беда…

Менты переглянулись. В их насмешливых взглядах отчетливо читалось: «еще и раздолбай к тому же…». Но поскольку в данном случае просьба имела силу приказа, отказать полковнику не посмели.

Хотя майор прямо таки из кожи вон лез, стараясь обратить внимание полковника на телефон, стоящий на столе. Мол,

позвони, да вызови себе такси. Правда, вслух он этого так и не сказал, явно надеясь на проницательность Щученко.

Тщетно.

– Егоров, Михалыч там вернулся? – крикнул в дверь Лукин.

– Никак нет! – ответили оттуда.

– А Родион?

– Аналогично!

– А хоть кто-нибудь?

– Семиглазов через десять минут обещал подъехать!

– Това-арищи! – возмутился Щученко. – Какие десять минут, шо вы мне, значить, препоны чините?! Шо это за вредительство?! Положите мне прямо сейчас на стол небольшую машину и водителя, не позорьте перед, значить, товарищем из-за рубежа! Товарищ Бритва, вы уж извините этих раззвездяев, молодые же еще, не то шо мы с вами, значить! Кстати, а сколько вам, значить, леть?

Я задумался. Родился я в 1972, так что сейчас мне должно быть тридцать четыре, но… Но два года я провел в матричном репликаторе, не следует ли их вычеркнуть? К тому же мое нынешнее тело намного моложе – мне чуть больше года.

– Ладно уж… – смилостивился Лукин, от души насладившись замешательством полковника. – Егоров, «Интурист» в гараже?

– Стоит, куда он денется!

– Ну вот, возьмете «Интурист». Машина старенькая, но

для экскурсий как раз самое то. Согласны со мной, товарищ полковник?

– Ясное дело! – согласился Щученко. – И шóфера!

– А сами что?

– А шо такое? Я шо, значить, обязан еще и шóферить? – обиделся полковник.

– А у меня свободных людей нет, – ехидно ухмыльнулся майор. – Всем работать надо, так-то, товарищ полковник…

– Дядя Паша, давайте я поведу, а? – попросила Лена.

– Так ты же на права до сих пор не сдала, – еще ехиднее посмотрел на нее Лукин.

– Товарищ майор, приказываю вам немедленно подыскать мне, значить, шóфера! – обозлился Щученко, бросая испуганный взгляд в мою сторону. От того, насколько он сумеет мне угодить, зависело все его будущее – либо орденоносный генерал-майор, либо… либо полная хана. – Отказ расцениваю как саботаж, вредительство и даже, значить, сознательное причинение ущерба советскому народу и коммунистической, значить, партии!

– Хм, – хмыкнул майор. – Ладно уж, найдем мы вам водителя…

Он встал и подошел к той самой бумажной куче, что громоздилась у подоконника. Некоторое время копался в ней, а потом удовлетворенно крякнул и достал оттуда… человеческую голову.

Глава 6

За головой последовало и все остальное. То есть – заспанная и взъерошенная девушка лет двадцати. Прическа «конский хвост», загорелое лицо, густо усыпанное веснушками, и ярко-синие глаза. Одета не в форму, как все здесь, а в тонкий свитер и юбочку.

Сначала я слегка офигел от такого результата раскопок. Потом заметил, что под бумагами скрывается еще и кушетка. Отсюда вывод – девчонка просто прикорнула, а ее зачем-то завалили макулатурой. Может, пошутили, может, прятали от кого-то, а может, для тепла.

– А-а-а-а-а-а-а-а!.. – широко зевнула девица, потягиваясь так, что едва не сбросила на пол настольную лампу.

Глядя на нее, зевнули еще пятеро, в том числе и полковник Щученко. Даже я с трудом удержался – зевота, как известно, крайне заразительна. Хотя вообще-то по-настоящему я зевать не могу, ибо не дышу.

– Доброе утро, спящая царевна! – приветливо дернул девушку за волосы майор. – Выспалась?

– Ай! – взвизгнула та. – Спасиб, дядь Паш, выспалась. Оа-а… а это кто?!!

Она-то меня еще не видела. И теперь рассматривала с широко раскрытым ртом и безмерно удивленными глазами.

– Дядь Паш, а я правда проснулась? – заморгала девушка,

нерешительно касаясь меня пальцем.

Стандартная реакция. Человек, видящий меня впервые, обычно пугается или удивляется. Граждане здешнего Советского Союза отличаются редкостным бесстрашием, поэтому они удивляются, но не пугаются. А вот, например, в Дотембрии мне пугались, но не удивлялись – там верят в демонов и не считают их достойными удивления.

Девушку быстренько ввели в курс дела. А потом представили и ее саму.

– Это Ирка, моя племянница, – снова дернул ее за волосы Лукин. – У нее права есть, вот она вас и покатает.

– Ну-у-у-у… – запротестовала Ира.

– А вернешься – подпишу тебе практику, – пообещал майор.

– Правда?! – захлопала глазищами девица. – Не обманешь?!

– Не обманеть! – подтвердил Щученко. – Все КГБ, значить, проследить! А вы, товарищ Лукина, де, значить, учитесь?

– Сапрыкина, а не Лукина, – поправил майор. – По сестре племянница. В МГУ она учится, на дипломатическом.

– От как! – потер потные ладошки полковник. – А ведь там, значить, и с туристами работать учать?

– Ну, – настороженно согласилась Ира. – Немножко. А что?

– Воть, значить, будеть у нас свой эскурво… гид, – ре-

шил не рисковать с трудным словом Щученко. – Вы, товарищ Бритва, не горуйте, покажем вам нашу столицу, усе музеи и все, шо хотите! В Мавзолеи хочете сходить?

– Угу, – не стал возражать я. Ну а когда еще представится такая возможность?

– Смотри, Ирка, не подведи дядю-то, – в третий раз дернул ее за волосы Лукин.

– Дядь Паш, прекрати! – взвизгнула бедная студентка. – Ты мне всю прическу испортил!

– А ты не распускай такие вавилоны на голове! Стыдоба!

– Отличная прическа, последняя английская мода… – обиделась Ира.

– А шо это вы, товарищ Сапрыкина, на их клятую Британщину смотрите? – насторожился Щученко. – Ладно, когда мода наших французских или итальянских товарищей – оне тоже коммунисты. А Британщина или Американщина нам, значить, не указ! И вам, товарищ Сапрыкина, как комсомолке, это следовает понимать!

Ира шмыгнула носом, покосилась на треснутое зеркало, висящее над умывальником, торопливо разгладила лохмы и заново закрепила резинку. По-моему, перед полковником она слегка робела – все-таки чин не самый маленький! Да еще сам Щученко! Насколько я понял, о этом индивидууме тут ходят настоящие легенды, и связываться с ним лишний раз никому не хочется.

– Ну шо, поехали? – плюхнулся на мягкое сиденье «Ин-

туриста» полковник, бережно прижимая к животу пухлый портфель. – Вам удобно, товарищ Бритва? Можеть, приказать шампанскую притащить?

Я односложно отказался, с любопытством рассматривая поданный автомобиль. Модель отличалась от той единственной, что захватила улицы всех советских городов – раритет. Немного напоминает «Роллс-Ройс» без крыши. Цвет – бледно-розовый, багажник спереди, а капот сзади. На нем торчат изогнутые водородные баллоны – видно, что устаревшая модель, такого анахронизма здешние автомобильные заводы не производят уже лет пять. Все перешли на поглотители.

Похоже, водитель из Ирочки Сапрыкиной не самый опытный. Несколько секунд она сидела неподвижно, явно проговаривая в уме порядок действий. Потом нерешительно протянула руку к кнопке дисплея. На экране появился план города с какими-то указателями, цифрами, стрелочками, точками… Судя по всему, изображение транслируется прямо со спутника.

Так же нерешительно Ира нажала на педаль газа, и автомобиль медленно тронулся. По крайней мере, в управлении он достаточно прост – коробка-автомат, педаль сцепления отсутствует… Есть регулятор скорости – Ира поставила его на сорок километров в час и спокойно отпустила газ – теперь машина держит постоянную скорость, не ускоряясь и не замедляясь. Еще есть устройство страховочного торможения – если в непосредственной близости перед «Интури-

стом» появляется препятствие, он автоматически останавливается. Точно так же реагирует на красный свет светофора или сигнал регулировщика – здешние «дяди Степы» не машут руками, а просто нажимают кнопку и посылают сигнал на страховочные тормоза ближайших машин.

Конечно, водитель может выключить это устройство, но за такое отбирают права.

– Наличие бензина в баках, значить, присутствует? – обеспокоенно перегнулся через сиденье Щученко. – Товарищ Сапрыкина, как с бензином-то?

– Бензина нет, – коротко ответила студентка.

– Як?! – возмутился полковник. – Совсем?! Да вы шо, товарищ Сапрыкина, совсем, значить, с катушек съехали – без бензину товарища из-за рубежа катать собрались?! Шо это за вредительство?! Заправиться немедленно!

– Бензина нет…

– Не-мед-лен-но!!!

– …потому что бензиновых машин не производят уже лет пятнадцать, – насмешливо растянула губы в улыбке Ира. – А водорода у нас под завязку.

Она постучала накрашенным ноготком по счетчику, на котором стояла цифра 97.32, обозначающая процент заправки баллонов. Щученко самую малость стушевался, но тут же нашел себе новый объект для придирок:

– А шо это у вас, товарищ Сапрыкина, ногти в какой-то, значить, гадости извозюканы? Шо это за поклонение капи-

талистическому Западу? Воть берите, значить, пример с нас с товарищем Бритвой – ногти чистые, ничем ненужным не испачканы! Так и должно быть у честного комсомольца. А вы зачем, значить, под проститутку маскируетесь?

Ира густо покраснела. Незамутненное сознание советской девушки воспринимало подобные слова едва ли не на уровне мата. Она нервно сглотнула и попыталась ухватиться за руль так, чтобы спрятать накрашенные ногти. Одновременно наш шофер пыталась одернуть юбку – не мини, но все же не слишком длинную, даже коленки можно разглядеть, если слегка нагнуться и скосить глаза (лично я скосил). Полковник вполне мог посчитать предосудительной даже такую ерунду.

Вечерело. Я прибыл в этот мир около полудня, но с тех пор прошло уже довольно много времени. Солнце клонилось к закату, вдоль улиц уже загорались фонари.

Я с большим любопытством осматривался по сторонам. В бытность свою человеком я в Москве не бывал – как-то не случилось. А вот за последний год посещал ее неоднократно. И теперь мне было очень интересно взглянуть на разницу между двумя городами.

А разница есть, да еще какая! К примеру, реклама. Здесь ее нет и в помине – ни одного рекламного щита, не говоря уж о неоновых вывесках. Афишные стенды скромные, неброские, без обычной для моего мира павлиньей пышности. В кино идут почти исключительно советские фильмы. Ну и,

конечно, ленты из дружественных коммунистических государств – Франция, Италия, Испания, Югославия, Чехословакия, Турция, Индия, Китай…

Дороги в этом мире очень хорошие – наконец-то научились строить. Трамвайных рельсов и троллейбусных проводов нигде не видно – общественный транспорт, как и личный, сократился до одной единицы – электробуса. Такая, знаете, штуковина, похожая на английский двухэтажный автобус, но еще больше, с широкими крыльями и плавными обводами, похожий на пузатенькую ракету. Кондуктора отсутствуют – правительство уже сделало первый шаг к полному отказу от денег, предоставив своим гражданам бесплатный общественный транспорт.

Очередей я не заметил – Советский Союз ни в чем не испытывает дефицита. Магазины переполнены товарами, а цены весьма умеренные. Бомжей и нищих на улицах тоже нет. Впрочем, это как раз неудивительно – они и у нас расплодились по-настоящему только после перестройки.

Проезжая мимо кинотеатра имени Довженко, я наконец-то понял, почему все называли меня мудаком и принимали за альдебаранца. Там висела афиша – «Альдебаран – планета модаков». И было изображение одного из этих «модаков» – действительно, здорово похож на меня, особенно для неискушенного глаза. Хвоста нет, шкура не серая, а зеленая, да и похлипче на вид, но большинство людей на такие мелкие детали не обращает внимания. Судя по очереди

в кассу (касса здесь располагается на улице), фильм пользуется большим успехом.

Кстати, это оказалась единственная очередь, которую я сегодня увидел.

Конечно, поименовали этих пришельцев исключительно неудачно – народ моментально изменил название на более привычное для русского уха. Но, судя по тому, что на афише инопланетянин изображен с маленькой девочкой на руках, дарящей ему букет цветов, эти модаки – существа дружелюбные.

Что ж, спасибо здешним киношникам – создали положительный образ, в который я очень удачно вписался. Если бы столь похожие на меня существа бегали по канализациям и всех жрали, ко мне наверняка бы отнеслись более настороженно.

– Обратите внимание, товарищ пришелец – знаменитое произведение искусства! – крикнула Ира. – Геркулес называется!

Я посмотрел, куда было указано – там стоял памятник могучему исполину с палицей на одном плече и львиной шкурой на другом. Скульптор благоразумно соблюл приличия, целомудренно загнув край шкуры так, чтобы она прикрывала пах. Геракл стоял угрюмый и брезгливо морщил нос, глядя на совершенно неподходящее ему окружение.

По-моему, он устал держать эту дубину.

– Геркулес – герой греческих сказок, совершивший две-

надцать великих подвигов, – заученно затараторила студентка, наворачивая круги по площади. – Вечный труженик и помощник бедных, мужественный и храбрый, добрый и неутомимый! Побеждал злодеев и чудовищ, боролся с древними тиранами и рабовладельческим строем! Считается сыном бога Зевса и простой женщины Алкмены, был угнетаем глупым, коварным и трусливым царем Эврисфеем. Великий спортсмен, основатель Олимпийских игр! Этот памятник был построен в честь Олимпийских игр 2008 года, состоявшихся у нас в Москве!

– Могучий, значить, мужик был! – внес свою лепту в лекцию Ирочки Щученко. – Вона трицепсы какие! Сильней его, небось, только Ленин был, больше никто!

Улицы этой новой Москвы выглядели для меня совершенно незнакомо. Как-никак, Третий Потоп пощадил только четверть великой столицы, все остальное отстроили заново. Посетив набережную, я смог полюбоваться на небывалое зрелище – развалины старых зданий, все еще кое-где торчащие из-под воды. Большая часть, само собой, за семьдесят лет осыпалась или была уничтожена портовыми властями, но кое-где их даже реставрировали – памятники прошлого!

Рабан и Ира почти одновременно рассказали мне, что примерно такая же тенденция наблюдается и за границей – в Вашингтоне, например, из-под воды торчит макушка Капитолийского холма. И одноименное здание, бывшее некогда центром американской демократии. В целости и сохранно-

сти. Правда, использовать оное не представляется возможным – в часы прилива его захлестывают волны. Но Капитолий, тем не менее, бережно сохраняют в первозданном состоянии и даже украсили уменьшенной копией Статуи Свободы.

Увы, оригинал погиб навеки, скрывшись на дне океана. Великий памятник до сих пор пытаются поднять, но пока что безуспешно.

Остров, на котором теперь размещается Москва, получил вполне закономерное название Московия. С северо-запада и юго-востока к Московии примыкают еще два крупных острова, отделенные узенькими проливами. Настолько узенькими, что через них даже перекинули мосты. К северо-востоку простирается Русское море, окруженное множеством островов. Ну а к юго-западу – УДР, Украинская Демократическая Республика. Независимая (формально), но, тем не менее, коммунистическая. В Европе коммунизма избежали лишь Швеция, Норвегия и Британские острова – остальные страны превратились в сателлитов Советского Союза.

Кстати, в последнее время в правительственных верхах все чаще поговаривают о возрождении СССР в его прежнем понятии – как союза республик. Уже составлен черновой список будущих ССР – Украинская, Кавказская, Турецкая, Южно-Славянская, Чехословацкая, Французская, Итальянская, Испанская, Греческая, Германская, Польская, Румынская, Венгерская, Болгарская… Афганистан уже успел бла-

гополучно войти в состав Союза. Ведутся переговоры с Китаем – поскольку в этом мире Хрущев не приходил к власти, русские и китайские коммунисты остались друзьями. Сейчас товарищи Саулов и Вэнь Чэнкунь, нынешний лидер КНР (кроме Китая включающего в себя Корею и Монголию), как раз обсуждают вариант объединения двух сверхдержав. Британская Империя и США наблюдают за этим с дрожащими коленками – такой СССР очень быстро подомнет под себя весь мир.

– А це, значить, памятник Спартаку! – со знанием дела сообщил Щученко, когда мы подъезжали к Красной площади. Я с интересом осмотрел и эту статую. – Тоже известная личность – был рабом, потом гладиатором, потом революционным вождем, а потом, значить, стал целой футбольной командой! Во как!

Красная площадь выглядит совершенно иначе. Хотя бы потому, что была перенесена по кирпичику и выстроена на новом месте. Кремль порядком изменился – пользуясь случаем, его полностью перестроили. Куранты вообще стоят другие – те, старые, так повредили при перевозке, что оказалось проще сделать новые.

Но главное отличие, само собой – Мавзолеи. Четыре штуки.

Внутрь мы не попали. Не потому, что не разрешили – просто меня не согласились пропустить без очереди. Как и в кинотеатр, в эти усыпальницы тянулись длиннющие хвосты из

людей, желающих посмотреть на покойных вождей. В том числе уйма иностранцев.

– У заграничных капиталистов ничего, значить, не брать! – поспешил предупредить Щученко. – Будут предлагать жувачки или конфеты – отплевывайтесь! Усе отравлено!

Так что я просто полюбовался на этот некрополис снаружи. Собственно, остальные три Мавзолея оказались точно такими же, что и первый, ленинский. Только вывески другие.

Ленин. Сталин. Берия. Важник.

Да уж… В этом мире коммунисты как пошли по одному пути, так с него и не сворачивали. Это у нас они зашли в тупик и в конце концов окончательно себя дискредитировали. А вот здесь получилось по-другому…

Конечно, это государство стоит на костях. Первые полвека советские вожди только и делали, что ссылали и расстреливали. Но где и когда было иначе? Соединенные Штаты выросли на спинах истребленных индейцев и порабощенных негров. Британия обогатилась, опустошив Шотландию во время Промышленной революции. Сейчас уже мало кто помнит, что такое этот самый «закон огораживания». Франция, Германия, Япония, Китай, царская Россия – всегда и везде происходило одно и то же. Почти все великие государства в буквальном смысле выросли на кладбищах. Рабан прав – нет лучшего удобрения, чем мертвецы…

– Товарищ Бритва, давайте уже, значить, ехать, – беспокойно заерзал Щученко. – Ненужное, значить, внимание к

себе привлекаем…

Действительно, моя персона крайне заинтересовала любопытствующих зевак. Уже щелкали фотоаппараты, на меня откровенно пялились. Иностранцы особенно разволновались. По-моему, инопланетянина в открытом лимузине все эти туристы восприняли исключительно в качестве интересного аттракциона.

Кстати, зачем я вообще выдал себя за инопланетянина? Вечно меня заносит куда-то не туда…

– А ну, значить, пошли все вон отсюда! – буквально закрыл меня телом полковник. – Дело государственной важности, глядеть запрещено!

На его вопли никто не обратил внимания. Меня отлично было видно и с другой стороны – машина-то открытая. Вспышки щелкали все чаще и чаще.

– Товарищ Ира, гоните, гоните срочно куда ваши бесстыжие глаза глядять! – сердито пихнул ее линейкой в спину Щученко. – Немедленно прибавьте, значить, скорость, иначе буду судить за вредительство!

Ирина Сапрыкина и без того пыталась выехать. Но толпа обступала нас все плотнее. Ну еще бы – такое событие! Кажется, мне что-то говорили, о чем-то спрашивали, но в этом гомоне я не мог разобрать ни слова. Слух с огромным трудом вычленивал знакомые голоса полковника и шоферки – все остальные превратились в невнятный шум.

– Давите их, товарищ Сапрыкина, во имя КПСС! – при-

казал Щученко, встав на сиденье в позу Ленина на броневике. – Беспощадно давить усех подряд!

Само собой, Ира проигнорировала этот приказ. Она только размахивала руками, упрашивая зевак расступиться. А я вообще сидел молча – было интересно, как полковник выйдет из такой неловкой ситуации. Только запахнулся в крылья, как в плащ – очень уж часто щелкали фотовспышки.

– Шо ж вы, значить, не принимаете мер, товарищи мурзики?! – возопил Щученко. – Давно бочками по головам не били?!

Милиции на площади, само собой, было немало, но помощи от них ожидать не приходилось – в толпе было слишком много иностранных граждан. Постовые вежливо увещевали товарищей туристов разойтись и не мешать такому же, как они, туристу совершать экскурсию, но их усилия пропадали втуне.

Впрочем, они, по-моему, не слишком старались – полковник Щученко не вызывал особого сочувствия.

Кажется, он тоже это понял. Полковник сурово насупил брови, обтер потную лысину платком и зачем-то натянул противогаз. Внимательно рассмотрел обступивших нас людей в бинокль, а потом бабахнул из пистолета. В воздух. Грохнула его пушка так, что все невольно шарахнулись.

– Товарищ Сапрыкина, давите их, значить, всеми колесами! – вновь потребовал Щученко. – Хто, значить, не желаеть подчиняться приказам КГБ, тот есть коллаборационист

и должен быть немедленно расстрелян по законам военного времени!

Это подействовало. Народ начал неохотно расступаться, и машина медленно выбралась на свежий воздух. Полковник не удержался на ногах и шмякнулся, застряв обширным пузом между сиденьями. Ира рулила одной рукой, а другой сосредоточенно листала какую-то книжку. К моему удивлению, это оказался толковый словарь Ожегова – девушка искала неведомое слово «коллаборационист».

– Вот так наше родное КГБ решаеть, значить, возникающие проблемы! – довольно уселся на прежнее место Щученко. – Впечатлены, товарищ Бритва?

– Угу. Слов нет, – честно ответил я.

– То-то! Вы бы видели, как я за границей функционировал! В разведке, значить! Лучший, значить, резидент был, так у себе и запишите!

Почему-то я усомнился, что Ефим Макарович был таким уж первоклассным резидентом. Может, конечно, это просто профессиональная ревность, но я при всем желании не мог представить его в этой роли. Очень уж заметный.

– Кто бы говорил, патрон… – хмыкнул давно не подававший голоса Рабан.

«В Лэнге я ничем не выделяюсь», – отпарировал я. – «А тут я не на работе».

Солнце клонилось все ниже и ниже. Я вежливо напомнил полковнику, что мне, вообще-то, хотелось посмотреть Поли-

технический музей. Тот немедленно приказал Ире в срочном порядке везти туда, куда желает уважаемый гость из-за рубежа. Та не возражала – даже обрадовалась. В прошлом году она писала курсовую как раз об этом музее, и в голове у нее до сих пор осталась масса полезных сведений.

– Музыку, значить, включить? – услужливо предложил Щученко, пока мы колесили по вечерней Москве. – Прослушайте, значить, концерт по завякам… заявкам трудящихся, товарищ Бритва! И обязательно выучите нижеследующую композицию наизусть – ее Пушкин написал еще при жизни!

Из мощных динамиков грянул хор. Песню я узнал сразу же, с первого же слова – ее трудно не узнать. Правда, имелись некоторые отличия – на первый взгляд незначительные, но если присмотреться…

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь,
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин в грядущее путь озарил,
Нас вырастил Сталин – избранник народов,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот,

Партия Ленина – сила народная,
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою приведем!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному Знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот,
Знамя советское, Знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Щученко подпевал. Да не просто подпевал – он впал в натуральный транс, правой рукой отдавая честь, а левую прижимая к сердцу.

Хотя лучше бы молчал – слух у него отсутствует напрочь. А голос идеально подходит для того, чтобы орать и командовать, но крайне плохо – чтобы петь.

Хорошо хоть Ира тоже подключилась, и ее мелодичный голосок отчасти выправил положение.

Я пожалел, что не захватил гитару. Вот бы я им показал, что такое настоящий русский рок! Гимн отлично поется под

грохот тяжелого металла – я уже пробовал. Правда, не с советским, а с российским, но мелодия-то у них одинаковая, верно?

– Как вам, товарищ Бритва?.. – спросил полковник, смахивая скупую слезу.

– Охрененно, – честно ответил я. – Только при чем тут Пушкин?

– Ну, он, значить, слова написал, – объяснил полковник. – Великий, значить, поэт был.

– Угу. Знаете, товарищ полковник, Пушкин, конечно, поэт выдающийся, но, по-моему, к гимну все-таки не он текст сочинял, – мягко поведал я.

– А хто же?

– Да вроде как Сергей Михалков. А музыка Александрова.

– А це хто такие?

– Товарищ полковник, а можно задать вопрос в целях повышения общей грамотности? – хитреньким голоском пропищала Ира.

– Конечно, можно! – пошел красными пятнами довольства Щученко. – Для то́го мы, ваши старшие товарищи, значить, и нужны – просвещать молодежь. Ежели не мы, дак хто?

– А какие у нас в стране еще были великие поэты, кроме Пушкина? – невинно спросила студентка.

Полковник задумался. Крепко задумался. На его широком лице явственно отражалась напряженная работа мыс-

ли – еще чуть-чуть, и будет слышно, как в голове вертятся колесики. Наконец он решительно ответил:

– Пушкин.

– Я же говорю – кроме Пушкина!

– И еще Ленин.

Ира открыла было рот, но так ничего и не сказала. В поросячьих глазках полковника отчетливо читалась угроза. Всякий посмевший усомниться в беспредельности талантов Владимира Ильича рисковал получить в зубы пистолетной рукоятью.

– Це было, значить, вступление! – сообщил Щученко, прибавляя звук. – Щас еще много чего интересного споють, слухайте внимательней, не раскаетесь.

Он оказался прав. Услышав слова следующей песни, я изумленно раскрыл рот – голос звучал поразительно знакомо. Этот хрип узнали бы девяносто девять россиян из сотни… Правда, звучал он немного по-другому – появились дребезжащие нотки, некоторые трещинки в звучании, но это несомненно был…

– Высоцкий?! – воскликнул я.

– Ага, – кивнула Ира, слегка притопывая ножкой в такт. Благо педали нажимать не требовалось.

– А он разве не умер?..

– Да вы шо, значить, говорите, товарищ Бритва?! – ужаснулся Щученко. – Да как ваш инопланетный язык повернулся такое сказать?! Народный артист, трижды лауреат, и вдруг

умер! Кушайте, как говорится, шоколад! Да шоб он еще сто лет прожил!

– Ну он старый, конечно, уже… – вздохнула Ира. – В следующем году у него юбилей – восемьдесят лет будет… Вот, товарищ пришелец, возьмите программу – почитайте, кто еще выступает…

Я углубился в чтение радиопрограммы. Действительно, там имелся полный список всех выступающих. Сегодня исполнялось пятьдесят лет некоему Милявцеву, и в честь такого события устроили большой концерт, на котором должны были петь почти все современные звезды.

Похоже, этот Милявцев – крупная шишка…

Добрая половина фамилий звучала незнакомо. Сурович, Шестаков, Хвилиани, Крабова, Ковров – кто это такие? Но многие другие имена я узнал сразу же. Кобзон, Пугачева, Газманов, Басков, Лещенко, Расторгуев – кто же их не знает? Кстати, из динамиков как раз послышался голос Расторгуева – у него даже репертуар не изменился.

– Ира, а зачем вас бумагами завалили? – вспомнил я.

– А?.. Что?.. – Ирина не сразу сообразила, о чем я спрашиваю. – А, вы об этом… Да понимаете, товарищ пришелец, я там… ну… мне практику надо сдать, лето же кончается, семестр скоро…

– А где связь-то?

– Ну я не выспалась ночью, устраивает? Прилегла на кушетке… сама не заметила, как задрыхла… А Жорка, шут-

ник… он все время так развлекается – дядя Паша с ним уже замучился… Да ладно – так даже теплее…

– А шо это вы, товарищ Сапрыкина, вдруг ночью не выспались? – как бы невзначай поинтересовался Щученко. – Ночью, значить, спать надо, а не по танцулькам шастать!

– А вы как узнали? – опешила Ира.

– Шо узнал?

– Что я на дискотеке была?

– О-па! – обрадовался полковник. – Так я шо, в самую, значить, точку попал? Це меня радовает! Буквально ткнул пальцем в небо и вот оно как вышло! Так-то, товарищ Сапрыкина, интуицию старого коня ничем, значить, не обманешь! И шо же это вы, значить, на этой дискотеке забыли? Це все есть коварные инсинуации буржуазного Запада – советский человек и комсомолец не нуждается в таких развратах и увеселениях, ясно вам? Вы комсомолка?!

– Да! – испугалась Ира.

– А непохоже! Ну-ка, дайте мне телефон председателя вашего парткому – я его, значить, пропесочу! И все КГБ, значить, пропесочить!

– Ой, не надо! – взмолилась бедная девушка, уже представившая этот ужас. – Не звоните Максу, пожалуйста, Ефим Макарович!

– Ага, Максим, значить… – вытащил из портфеля лист бумаги Щученко. – Фамилия?

– Соламатин… Ефим Макарович, да он тоже там был!

– Хде?

– На дискотеке! Мы с ним вместе там танцевали!

– О-па! – еще больше обрадовался полковник. Он внимательно рассмотрел девушку в бинокль и констатировал: – Настоящее гнездо разврата и подражания буржуазному, значит Западу. Це я удачно объявился – вот уже и дело сейчас заведем…

– Ну Ефим Макарович, ну пожалуйста, ну не надо дела! – побелела от страха Ира. – Это же просто дискотека – что тут такого?! Там все были!

– Хто?! Фамилии! Имена!

– Товарищ полковник, а вы не перебарщиваете? – постучал его по плечу я. – Разве советские законы запрещают в свободное время танцевать на дискотеках?

– А… неть, – задумался Щученко. – Но советский, значит, студент должен лекции писать и семинары рисовать, а не по танцулькам шастать!

– Так каникулы же! – возмутилась Ира.

– А… ну да… Ну вот шо, товарищ Ира Сапрыкина, я вас на первый раз прощаю, – неохотно разорвал листок полковник. – Раз уж товарищ Бритва за вас ходатайствует, дела заводить не буду. Но зато буду, значит, за вами приглядывать – вы у меня теперь в списке подозрительных лиц находитесь!

– А я и раньше в нем находилась… – проворчала Ира, поняв, что гроза пронеслась стороной.

– Це когда же успели?

– А помните – в прошлом году? Вы тогда в ГУМ приходили, а я тогда тоже к дяде Паше в гости зашла, а вы еще сказали, что у меня сережки слишком вызывающие, а дядя Паша сказал, что это бабушкины, а вы сказали, что хоть дедушкины?..

– Не помню… – озадачился Щученко. – Но поверю на слово. Видите, товарищ Сапрыкина, не зря я, значить, вас в список-то заносил – уже второй раз попадаетесь! Надо все-таки вас, значить, пропесочить… А шо это вы руль-то бросили?! – вскинулся он. – Вы, товарищ Сапрыкина, не саботируйте производство – взялись нас к музею везти, так везите! Нам здесь эти ваши глупые обиды, значить, не нужны!

– Так уже привезла… – покосилась на него Ира. – Вот он – Политехнический музей, как заказывали…

Глава 7

Щученко резиновым мячиком выпрыгнул из «Интуриста», обежал его и услужливо распахнул передо мной дверь. Я ступил на асфальт, чувствуя себя едва ли не генсеком, и, в свою очередь, подал руку Ирочке. Та, правда, приняла ее с большим смущением – все-таки меня трудно назвать заурядным кавалером.

Что ж, в конечном итоге я все-таки добрался до Политехнического музея. Достижение, блин… Но что поделаешь – у меня все вверх тормашками. То, что для обычного человека – настоящий подвиг, для меня – обыденность. И наоборот – порой самые простейшие вещи оборачиваются настоящими проблемами. Вспомнить хотя бы, как я на пару с Палачом грабил одежный магазин, чтобы раздобыть пару штанов – чистый анекдот…

Само собой, теперь искомое заведение располагается в другом здании – старое, как и многое-многое другое, затопило водой. Но все экспонаты перенесли чин чином, ничего не забыли и ничего не упустили.

На стене красовалась цитата из изречений нынешнего вождя – «Хорошо быть советским человеком!». И подпись – С. С. Саулов. Рядом с этой надписью торчали несколько парней, которые, весело хихикая, приписывали к фамилии вождя окончание «ым». Теперь смысл получился весьма дву-

смысленный.

– А ну, значить, брысь отсюда, фулюганы! – шуганул их Щученко. – Взяли моду – вредительством заниматься, стены, значить, осквернять!

Мальчишки, заливаясь хохотом, разбежались в разные стороны. Полковник проводил их грозным взглядом в бинокль, посмотрел на их художества и саркастично хрюкнул.

– Каламбурчик… – констатировал он. – Смешно, смешно… Но заметьте, товарищ Бритва, неоригинально! Эту шутку я в прошлый выходной уже слышал – ее, значить, товарищ Винокур со сцены произносил. Только зазря штукатурку изгваздали.

Мне невольно подумалось, что при Сталине за такую шутку непременно последовали бы репрессии. Да и брежневские вассалы вряд ли потерпели бы столь ехидный намек. Ну что ж, в этом мире подобные строгости перестали быть необходимостью – всех врагов благополучно выловили и стало возможным ослабить поводья.

– На сегодня в Москве остался только один музей, который не был переименован после революции – Политехнический. Даже Третьяковская галерея до 1918 года называлась по-другому, – сообщила нам Ира, вспомнив о своей роли экскурсовода. – Это один из старейших музеев мира – открытие состоялось двенадцатого декабря 1872 года. Старое здание, ныне исчезнувшее под водой, было построено по проекту архитектора Монигетти. Политехнический му-

зей был создан по инициативе Российских ученых-просветителей, членов Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Музей был задуман как научный и просветительский центр России, в задачу которого входила интеллектуальная поддержка технической культуры общества путем распространения научных знаний. Начало музею положила Политехническая выставка, посвященная двухсотлетию со дня рождения Петра Первого и открывшаяся тридцатого мая 1872 года. Открытие нового здания, которое вы видите перед собой, было приурочено к восьмидесятилетию со дня рождения Ленина – двадцать второго апреля 1950 года…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.